

1908 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 8.

III годъ изданія.

СЦЕНА

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ

(II годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный театральный и литературно-художественный
журналъ (in quarto)

„СЦЕНА И ЖИЗНЬ“

ПОДПИНАЯ ЦѢНА: на годъ—8 р., на $\frac{1}{2}$ —4 р., на 3 мѣс.—2 р.
Цѣна № въ розничной продажѣ 20 коп.

Учащимся и библиотекамъ 50% скидки съ годовой подписной цѣны.

Въ провинцію отдѣльные №№ высылаются за 4 семикопѣчные марки. Для артистовъ, лицъ причастныхъ къ сценѣ и годовыхъ подписчиковъ справки, помѣщеніе адресовъ и объявленія (по предложенію труда) не болѣе 5 строкъ въ каждомъ №-рѣ—**БЕЗПЛАТНО**.

Приемъ подписки и продажа отдѣльных №№ производится:
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Главная Контора журнала «Сцена и Жизнь». Невскій 66, тел. 78—25.	6) Специальная театральная библиотека И. Н. Волкова-Семенова; Троицкая ул. д. 10.
2) Московскій книжный магазинъ «Трудъ». Невскій д. 60.	7) Книжная торговля Г. В. Никольскаго, Вознесенскій д. 22.
3) Книжный и художественный магазинъ «Народное Благо», Невскій пр. д. 50.	8) Газетная торговля А. В. Наумовой; Пассаждъ № 58.
4) Книжный складъ О. С. Юдко; Екатерингофскій пр. д. 12.	9) Малый театр, въ фойе.
5) Книжный складъ Яковлева; Вознесенскій пр. 13.	10) Книжный магазинъ «Новаго Времени» Невскій пр. д. 40.
	11) Книжный магазинъ М. В. Полоза, Невскій пр. д. 66.

**А также во всѣхъ кіоскахъ В. А. Пташникова и у артельныхъ газетчиковъ.
ВЪ МОСКВѢ:**

1) Отдѣленіе конторы журнала «Сцена и Жизнь»: Б. Дмитровка, д. 15, Вострякова, тел. 95—75. Главный представитель П. С. Арсеньевъ.	3) Центральное правленіе Всероссийскаго Союза Сценическихъ Дѣятелей; Тверская д. Скворцова.
2) Императорское Русское Театральное Общество, Б. Дмитровка д. Левинсона.	4) Книжная торговля А. Я. Петрова, Тверская близъ Страстного монастыря, д. Борцова тел. 94—59.
	5) Книжная торговля А. Я. Петрова, Яузскіе ворота, д. церкви Никола Грачи, тел. 70—68.

Въ кіоскахъ А. Я. Петрова и у газетчиковъ.

Во всѣхъ станціонныхъ кіоскахъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Редакція и Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій 66, (противъ Аничковскаго Дворца) телеф. 78—25.

Ред.-Изд. В. Г. БЛОХИНЪ.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

III годъ изданія.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23-ГО ФЕВРАЛЯ.

1908 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Небесный рыбакъ“ — стихотвореніе Александра Рославлева; „Звѣзды парусиннаго неба“ — романъ Владимира Блохина; „Забава“ — рассказъ Павла Вейнберга; „Первый шагъ“ — рассказъ Н. Ходоровскаго; Стихотвореніе — В. Жукова (Апулея); „Изъ книги бытія „театральнаго“ — Домостроя; „Параллели“ — Вакулина-Линскаго; „Наша литературная богема“ — Гр. Ст—ва. „Театръ“; „Старое и новое“ — Мих—Зова; Маринскій театръ — С. Гена; Михайловскій театръ (экзамен. спектакль. Императорск. драм. курсовъ) — Б—на; 15. залъ Консерваторіи (гастроль Алчевскаго) — С. Гена; Театръ * Лит. Худ. Об—ва—Б—на; Новый театръ (гастроль П. В. Самойлова) — И. М—на; Малороссы („Пѣсни въ лыжахъ“) — Е. Ранскаго; Вѣнская оперетта — А. Б.; Театральная хроника; По Россіи; Малая Сцена; Кафешантаннныя силуэты — „Поѣздка“ Е. Койранскаго; „Кѣмъ пополняются хоры“ — Свенгали; Аполло и др. Объявленія. * Рисунки, заставки и концовки: художн. И. Грабовскаго, Н. Герардова и др.

НЕБЕСНЫЙ РЫБАКЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ АЛЕКСАНДРА РОСЛАВЛЕВА.

Мы замедлили трепетный шагъ,
Цѣловались, смѣялись, какъ дѣти;
Заманилъ насъ небесный рыбакъ
Въ тѣневяя недвижныя сѣти.

* * *

Безконечную трель вывода,
Замиралъ вдалькъ соловей,
Пронеслась гроыхавшая туча,
Замеръ садъ и отъ капель дождя,
Сонно-падавшихъ съ чуткихъ вѣтвей,
Стала ночь, такъ тиха и пѣвуча.

* * *

У пруда, гдѣ пугающій мракъ,
Затаился межъ травъ наклоненныхъ,
Истомилъ насъ небесный рыбакъ,
Истомилъ молодыхъ и влюбленныхъ.

* * *

Мы, какъ воры, въ бесѣдку вошли,
Ныла въ сердцѣ веселая жуть
Напряженнаго, страстнаго зова,
Огневые цвѣты расцвѣли;
Было сладостно пылъ ихъ вдохнуть
Полно, жадно, безъ мысли, безъ слова.

* * *

А теперъ, не пойму я никакъ,
Былъ то бредъ или сонъ, иль видѣнье.
— Блѣдный мѣсяцъ, небесный рыбакъ! —
Это вѣрно твое навожденье.

Библиотека Ленингр. дома
Худож. Самодеятельности

инв. 4089

«Звезды перушинского неба»
Роман
«Хроника современной жизни театральной кушеры»

IV.

Случайно Шперь встрѣтилась съ Амаровой въ Гостинномъ дворѣ.

Шперь быстро подошла къ Амаровой, первая подала руку и скоро, скоро заговорила:

— Ахъ, здравствуйте, дорогая! Что, и вы дѣлаете закупки? Боже! да сколько у васъ свертковъ!

Амарова, подавивъ въ себѣ то гадливое чувство, которое она питала къ Шперь и отъ котораго не могла отдѣлаться, холодно—въжливо отвѣтила:

— Да, Софья Михайловна, дѣлаю кой какія закупки, — а то въ провинціи, пожалуй, и не достанешь.

— А, вы, значитъ, въ поѣздку ѣдете, спросила осторожно Шперь.

— Да; Уланскій ѣдетъ въ Москву и я покончила съ нимъ.

Шперь была удивлена; ей безумно хотѣлось узнать, ѣдетъ-ли Владимировъ, приглашенъ-ли въ труппу Евгеньевъ—но дипломатичная Софья Михайловна сдержалась.

— Такъ, такъ; вы значитъ покидаете Петербургъ. И зачѣмъ вы ѣдете? Васъ такъ любятъ здѣсь, такъ тепло принимаютъ, лукаво говорила Шперь.

— Да, вѣдь я не навсегда уѣзжаю: постомъ я опять буду пѣть здѣсь; да, наконецъ, мнѣ хочется немножко поработать. Играть одну и ту-же роль, пѣть одну и ту-же партію, чуть-ли не весь сезонъ — это какъ для артистки, такъ и для ея таланта — губительно.

— Да, заторопилась обрадованная Шперь, поѣзжайте въ Москву: перемѣна условій жизни часто приноситъ съ собою извѣстный покой.

— А труппа большая? продолжала Шперь.

— Да; вошли: Евгеньевъ, Мировъ, и еще нѣсколько артистовъ.

Шперь сіяла. Обстоятельства слагались какъ нельзя лучше: уѣзжала Амарова и Евгеньевъ, а про Владимирову нечего было и спрашивать, иначе сама же Амарова сказала-бы, да наконецъ, въ труппѣ и не нужно двухъ премьеровъ: всегда найдется актерикъ поплоче, который съ радостью будетъ дублировать.

Софья Михайловна болѣе ничего не нужно было отъ Амаровой и она простилась съ ней, наговоривъ массу комплиментовъ.

Не торгуясь, Шперь сѣла на извозчика и покатила къ той барынѣ, которую Владимировъ окрестилъ «гадюкою».

«Гадюкѣ» было уже всѣ пятьдесятъ, но косметика, ежедневный массажъ лица и тонкій незамѣтный слой эмали на немъ—дѣлали то, что она выглядѣла значительно моложе своихъ лѣтъ.

Она была женою генерала и, благодаря хорошему капитальцу жила въ полное удовольствіе.

Внѣшность ея была бы очень ординарной, если-бы не ея глаза, глаза сластолюбивой гадюки.

Въ нихъ всегда отражалось животное чувство. Это была расплывшая, ожирѣлая, противная, потная Мессалина, которая покупала молодость и ласку, не стѣсняясь, не торгуясь, и бросая золотыя тому, кто ей пришелся по душѣ, кто счумѣлъ распалить въ ней страсть выше того предѣла, который возможно допустить въ женщинѣ съ нормальнымъ укладомъ чисто женскихъ физиологическихъ особенностей.

Это было похотливое животное, не знавшее предѣла своей разнузданной страсти.

Ея фамилія, Ольга Павловна Огоровичъ.

Она сидѣла у себя въ столовой, когда ей доложили, что пришла г-жа Шперь.

Огоровичъ очень обрадовалась, вышла въ переднюю, на встрѣчу Софья Михайловна и вопросительно смотрѣла на нее.

— Здравствуйте, здравствуйте, моя божественная Ольга Павловна, ну и новостей-же я привезла вамъ—цѣлый возъ, заговорила Шперь.

— Ну, говорите говорите скорѣй, милочка. Вы видѣли Владимирову, говорили съ нимъ?!.. Да, да, ну скорѣе, скорѣе.

— Дѣло наше настраивается, — спокойно, дѣловитымъ тономъ отвѣчаетъ Софья Михайловна.

— Амарова и Евгеньевъ уѣзжаютъ въ Москву къ Уланскому, значитъ Владимировъ нашъ...

Лицо «гадюки» расплылось въ улыбку и она повела Шперь въ столовую.

Въ столовой, когда гостя расположилась противъ хозяйки, завязался жаркій разговоръ.

Здѣсь происходилъ торгъ—покупался заочно мужчина, очень недалекій, но хорошо откормленный и съ развитымъ чувствомъ изумительно сознательнаго альфонсизма.

— Ну, хорошо, хорошо, милочка, я согласна: я заплачу, вамъ, Софья Михайловна, за ваше безпокойство 500 р. и порошу передать вотъ это колечко моему обожаемому, моему желаемому Володѣ!

Огоровичъ передала Шперь дивное кольцо съ нѣсколькими очень крупными солитерами.

У Шперь заискрились глаза и она съ какимъ-то обожаніемъ приняла футляръ съ драгоценностью.

Когда купля-продажа была совершена, обѣ женщины принялись обѣдать, поглощая все съ удивительною быстротою.

Словно саранча опустилась, когда со стола уносили посуду и разные деликатесы.

Послѣ обѣда Шперь тотчасъ-же встала изъ за стола и стала прощаться съ хозяйкою.

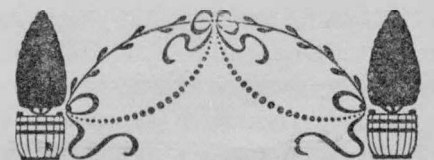
— Ну, поѣзжайте, поѣзжайте къ нему и скажите, что я вся горю желаніемъ. Глаза Огоровичъ сдѣлались сальными и маленькими.

Страстная женщина любила пожить и ея горничная могла бы рассказать, какъ кипуче вакхически проводить ночи эта сытая, развратная, жирная, молодая старуха.

Страсть была культомъ этой современной Мессалины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Владимиръ Блохинъ.

ЗАБАВА.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ).

РАЗСКАЗЪ ПАВЛА ВЕЙНБЕРГА.

Съ людьми, также, какъ и съ цвѣтами, нужно обращаться осторожно. И тѣ и другіе вынутъ отъ грубаго прикосновенія.

Я двадцать разъ говорилъ объ этомъ Небогину, но онъ ничего не хотѣлъ слушать и только презрительно улыбался.

Какое отношеніе могутъ имѣть цвѣты къ людямъ?.. Все вздоръ. Жизнь коротка, падо пользоваться ею во всю, не мудрствуя лукаво.

И онъ пользовался, какъ умѣлъ, или вѣрнѣе, какъ хотѣлъ. Природа, давая человѣку красоту, намѣчаетъ одновременно ея жертву. И никто въ этомъ не виноватъ, крохѣ злой, стихійной силы... Бабочки, лежа на лампу, гибнутъ изъ-за красоты огня.

Я двадцать разъ говорилъ объ этомъ Небогину.

Какъ сейчасъ помню громадное сѣрое зданіе съ множествомъ дверей и четырехъ-яруснымъ зрительнымъ заломъ, похожимъ во время репетицій на черную бездонную пропасть... Вотъ тутъ свѣтящаяся лента оркестра, а дальше сцена—большая и неуклюжая, съ кривыми воротами на задней стѣнѣ и особымъ специфическимъ запахомъ газа и декорацій... Мы стоимъ съ Небогинимъ у первой кулисы и онъ, указывая на толпу хористокъ, шепчетъ мнѣ, щуря свои большіе, выразительные глаза:

— Положительно, она прелестна!.. И какъ это я раньше не замѣчалъ?.. Гибкая фигурка, маленькая пожка, пухленькія губки... Вотъ сторж!..

Мы говоримъ о хористкѣ Шурѣ. Это миловидная, изящная женщина, которую никогда не называютъ по отчеству. Просто „Шура“. А она смотритъ и улыбается, никогда не протестуя. Шура, такъ Шура, не все ли равно?.. Къ тому-же, жалованье въ двадцать пять рублей и на рукахъ старуха-мать. Этимъ сказано все.

И вотъ Небогинъ подходитъ къ ней и они говорятъ долго-долго. Я вижу, какъ она смотритъ на него широко раскрытыми удивленными глазами... Премьеръ, любимецъ публики и вдругъ разговариваетъ съ маленькой хористкой... Все удивлены, а въ особенности примадонна Каорская. Она со злости кусаетъ губы, постъ не въ тактъ и капльмейстеръ дѣлаетъ ей замѣчанія.

Все дальнѣйшее я помню въ мельчайшихъ деталяхъ.

Послѣ репетиціи Небогинъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Угадай, въ которой рукѣ у меня спичка!.. Если угадаешь, Шура будетъ моею!.. Если нѣтъ—ниши пропало!.. Пусть рѣшается сама судьба!..

Я подумалъ немного и отвѣтилъ: „въ лѣвой“. Онъ, улыбаясь, разжалъ пальцы и уро-

нилъ спичку. Значитъ, судьба, чтобы Шура принадлежала ему, хотя я тогда еще былъ твердо убѣжденъ, что это все равно бы случилось, безъ судьбы и безъ спички. Но въ такихъ случаяхъ необходимо самооправданіе и всю вину сваливаютъ на обгорѣвшую спичку.

Ихъ романъ кончился такъ-же скоро, какъ начался. Небогинъ разказывалъ мнѣ все подробно.

Послѣ спектакля они поѣхали ужинать въ ресторанъ. Сначала скучные и никому не пужные разговоры о театрѣ, а потомъ кофе съ ликеромъ, бутылка шампанскаго и неизбежныя поцѣлуи... Онъ прижимаетъ ее къ себѣ и говоритъ мягкимъ груднымъ баритономъ:

— Вы мнѣ безумно нравитесь!.. Я съ ума схожу!.. Дѣтка моя дорогая!..

И вдругъ ей, ничтожной хористкѣ, получающей двадцать пять рублей, цѣлуютъ руку въ ладонь, а потомъ каждый пальчикъ отдѣльно и приговариваютъ тихо-тихо:

— Я съ ума схожу... Дѣтка моя дорогая!..

И Шура дрожитъ отъ сладкаго пошлѣданнаго чувства... Тутъ и радость, и испугъ, и непростенныя слезы, капающія противъ воли на залитую ликеромъ скатерть... А потомъ, ни съ того, ни съ сего, неповѣдь, быстрая, лихорадочная и свѣтлая, какъ улыбающійся майскій день... Черезъ пять минутъ Небогинъ уже знаетъ всю ея жизнь. Ни одна черточка не скрыта.

— Всею жизнью я искала человѣка, который бы согрѣлъ меня и приласкалъ!.. — шепчетъ она, вздрагивая веѣмъ тѣломъ,—я не могу жить безъ ласки... И вотъ теперь ты... Добрый, хорошій... Кто знаетъ, можетъ быть, въ тебѣ я найду свое счастье!..

«Можетъ быть!..» Рисканная ставка и вѣрнѣй проигрышъ. Небогинъ не любитъ «серьезности». Онъ начинаетъ говорить ей о порывѣ, о прелести мимолетнаго увлеченія, о минутѣ, которую помнишь всю жизнь, и о многомъ другомъ, далекокомъ отъ настоящаго сердечнаго чувства.

У Шуры кружится голова, а на столѣ появляется новая бутылка шампанскаго—безмолвная свидѣтельница веѣхъ мимолетныхъ увлеченій. Опять пьютъ и опять цѣлуются, до потери разсудка.

А потомъ... потомъ онъ провожаетъ ее домой, руки на прощанье уже не цѣлуетъ и бормочетъ съ видомъ провинившагося школьника:

— Ради Бога, Шурочка, чтобы все это осталось между нами!.. На дняхъ прѣзжаетъ моя жена... Неудобно, согласиесь сама, если выйдутъ сплетни!..

И тутъ, какъ говорится, точка. Прѣехала жена, Небогинъ подарилъ ей модное пальто и большую шляпу, а Шура вышла изъ труппы,

безъ объясненія причинъ. И никто не замѣтилъ, что она вышла, потому что на ея мѣсто поступила новая хористка, которой дали двадцать пять Шуринныхъ рублей.

Все тихо, скромно, безъ малѣйшаго скандала. Даже сплетень самыхъ обыкновенныхъ не было. Про Небогина судачить боялись, про Шуру просто не хотѣли. Слишкомъ ужъ незамѣтная величина.

Промелькнула зима, кончился сезонъ. Небогинъ подарилъ женѣ брилліантовую маркизу и уѣхалъ куда-то на югъ гастролировать, а мы разбрелись до сентября по разнымъ городамъ.

И лѣто промелькнуло. И опять мы очутились на нашей неуклюжей сценѣ съ кривыми воротами на задней стѣнѣ.

Въ серединѣ сезона, на одной изъ репетицій ко мнѣ подошелъ высокій хористъ, обладатель здороваго баса и сказалъ, протягивая листъ бумаги:

— Подпишите что нибудь на похороны Александры Николаевны Смирновой... Вчера скончалась въ больницѣ!..

Тутъ только я узналъ, что Шуру звали Александрой Николаевной и что у нея, подобно веѣмъ людямъ, была фамилія.

Мы веѣ пошли хористъ. Кто то бросилъ на гробъ нѣсколько красныхъ розъ. Онѣ выдѣлялись яркимъ краснымъ пятномъ на фонѣ бѣлаго газета.

Схоропили—позабыли. Но намъ опять напомнили. И это было неприятно, а, главное, стыдно.

Явилась однажды въ театръ маленькая сморщенная старушка съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ лохмотьяхъ, и сказала, обращаясь ко всей группѣ:

— Это Шуринъ ребенокъ, господа!.. Помогите, кто чѣмъ можетъ!.. Пожалѣйте спроту!..

И мы помогли, кто чѣмъ могъ. Я хотѣлъ, кромѣ того, послать телеграмму Небогину, но раздумалъ:

Зачѣмъ?..

Онъ позабылъ о мимолетной забавѣ, оправдывая себя тѣмъ, что многіе такъ поступали.

По прежнему, онъ распѣваетъ чуднымъ баритономъ свои излюбленныя аріи, получаетъ огромныя деньги и даритъ женѣ брилліантовыя маркизы.

И ему, счастливцу, нѣтъ ровно никакого дѣла до маленькаго мальчика, завернутаго въ лохмотья.

„ПЕРВЫЙ ШАГЪ“.

РАЗСКАЗЪ Н. ХОДОРОВСКАГО.

— «Куда вы такъ спѣшите? Посмотрите, какой сегодня дивный день, какъ оживленъ Невскій, какія веселья и довольныя кругомъ лица, а вы мчитесь и не хотите даже взглянуть вокругъ себя».

Хорошенькая брюнетка, изящно и элегантно одѣтая, при этихъ словахъ обернулась, обожгла взглядомъ преслѣдовавшаго ее молодого человѣка и, повидимому оставшись довольна осмотромъ, замедлила шаги.

Боримірскій поравнялся съ нею, съ восхищеніемъ смотря на нее въ упоръ. Онъ давно уже замѣтилъ эту малютку съ огненными глазами и точепымъ лицомъ. Точно загнипнотизированный онъ пошелъ за нею, любуясь сзади на ея стройную фигуру, которую плотно облегалo сѣрое платье. Въ каждомъ движеніи ея, въ поворотѣ головы, было такъ много граціи, женственности и изящества. Изъ подъ круглой соломенной шляпки выглядывало лицо, прекрасное своими правильными линіями, мягкимъ нѣжнымъ оваломъ, и освѣщенное большими, темными, глубокими глазами. Чѣмъ-то южнымъ, знойнымъ вѣяло отъ нея, замѣтно выдѣляя изъ толпы сѣрой петербургской публики, наполнявшей Невскій проспектъ.

— Вы позволите познакомиться съ вами?

Она сдѣлала строгое лицо.

— Я не завожу знакомствъ на улицѣ.

— О, разъ вы отвѣчаете мнѣ, то мы уже почти знакомы. И что значить—знакомствъ на улицѣ? Вы видите, что я человѣкъ приличный, мое общество васъ не скомпрометируетъ; вообразите себѣ, что меня кто-нибудь представилъ вамъ... Со мной вамъ будетъ веселѣе идти.

— Вы увѣрены въ этомъ? Можетъ быть я люблю одиночество.

— Позвольте вамъ не повѣрять, такіе кокетливыя глазки не могутъ жить безъ поклонниковъ.

— А вы успѣли записаться въ ихъ число?

— Уже давно, цѣлыхъ пять минутъ, хотя до сихъ поръ не знаю имени предмета своего восхищенія. Вы мнѣ его сейчасъ скажете, правда? Долженъ же я знать, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Что же вамъ дастъ мое имя?

— У меня съ каждымъ именемъ связано представленіе о человѣкѣ. Впрочемъ, вы ничего не говорите мнѣ, я буду угадывать самъ.

— Это вамъ не удастся.

— Васъ зовутъ Ванда или Марія.

— Почему вы такъ думаете?

— Это польскія имена, часто встрѣчаются въ Варшавѣ, а мнѣ кажется, что вы варшавянка.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, меня зовутъ Наталіей.

— А отчество?

— Я разрѣшаю вамъ звать меня прямо по имени,—вѣдь я еще маленькая. А какъ зовутъ васъ?

— Владиславъ Георгіевичъ.

— А фамилія?

— Семеновъ, — совралъ Боримірскій, — скорѣе по привычкѣ не говорить своей настоящей фамиліи при уличныхъ знакомствахъ, чѣмъ по какимъ либо другимъ соображеніямъ.

— Итакъ, вы мнѣ разрѣшаете звать васъ прямо безъ отчества. Я васъ буду пазывать Натой, хорошо?

— Хорошо, а я васъ, въ свою очередь, — Владей.

— Знаете, Наточка, я увѣренъ, что вы недавно въ Петербургѣ.

— Вотъ опять не угадали, я здѣсь родилась, выросла, и нигдѣ не была кромѣ Петербурга.

— Это странно, у васъ слишкомъ хорошія цвѣтъ лица для петербургской жительницы, слишкомъ много огня въ глазахъ,—вѣдь вы же не русская?

— Я русская, а дѣдъ мой былъ южанинъ, — одеситъ.

— Что же это за національность такая?

— Такъ, жилъ въ Одессѣ.

Разговоръ завязался легко и свободно. Казалось, точно они давно уже были знакомы, и когда настало время прощаться, имъ обоимъ не хотѣлось этого дѣлать, и она, съ сожалѣніемъ въ голосѣ, сказала:

— Вотъ мы и дошли, здѣсь я съ вами должна проститься.

— Надѣюсь, не навсегда. Скажите, Ната, гдѣ я могу встрѣчаться съ вами, я чувствую, что мнѣ будетъ не хватать вашего общества, и я очень скоро захочу увидѣться снова.

— Это очень просто, я служу въ банкѣ и каждый день въ четыре часа возвращаюсь со службы, такъ что вы имѣете возможность меня видѣть всегда, когда захотите. Ну,—до свиданія!

— До свиданія.

Она крѣпко сжала ему руку; точная огненная лава прошла черезъ это пожатіе и разлилась сладкой истомой по всѣмъ жиламъ.

— До свиданія, до завтра!

Они завтракали въ ресторани—Боримірскій и Кокоринъ. Они были товарищами по университету и, хотя имѣли мало общаго между собой, были людьми разнаго общества, разнаго воспитанія, характеровъ и взглядовъ, но при случайныхъ встрѣчахъ бывали рады другъ другу.

Боримірскій — сухощавый блондинъ высокаго роста, съ неправильными, но мужественными и энергичными чертами лица и сѣрыми глазами. Въ его фигурѣ, въ выраженіи лица было что-то оригинальное, но не симпатичное и не располагающее къ себѣ; что-то жестокое, порочное было въ глазахъ, презрительное и саркастическое въ складѣ чувствоннаго рта. Изысканно одѣтый, въ статекомъ платьѣ заграничнаго покроя, онъ казался иностранцемъ, пріѣхавшимъ въ Россію.

Его визави по столику—Кокоринъ—по наружности представлялъ полную противоположность первому. Широкое, русское лицо, маленькіе, спокойные, добрые глаза, небольшая рыжеватая борода. Лицо—изъ тѣхъ, которыя можно видѣть каждый день, и потому трудно себѣ представить, какъ оно выглядитъ. Сытое,

довольство собой, вульгарный громкій смѣхъ и грубыя манеры дополняли собой пропоздимое имъ впечатлѣніе купеческаго сына, выросшаго за прилавкомъ.

Они много пили. Вино развязало языки, и когда Кокоринъ спросилъ:

— Куда вы отправляетесь отсюда? — то, скрытый по натурѣ, Боримірскій отвѣчалъ:

— О, у меня очень интересное свиданіе, или, вѣрнѣе, встрѣча. Вы знаете, совершенно случайно познакомился съ очень хорошенькой женщиной; говоритъ, что служить, и каждый день при возвращеніи со службы ее можно видѣть.

— Какъ же вы съ нею познакомились?

— Да очень просто, шелъ сзади, а потомъ, когда увидѣлъ, что она улыбается, заговорилъ. Пошелъ провожать и прямо въ восторгѣ. Намъ, правда, мало пришлось поболтать, но все, что она говорила, было очень мило, остроумно, и что мнѣ въ ней особенно понравилось,—это полное отсутствіе пошлости или вульгарности; вѣдь это такъ рѣдко встрѣчается, что надо цѣнить. Вела себя очень просто и непринужденно, казалось, мы съ нею старые знакомые.

— Смотрите, не влюбитесь.

— Ну, положимъ, до этого еще очень далеко, но интересуетъ она меня очень, это правда. Въ ней есть что-то оригинальное, своеобразное; масса жизни, огня... Чувствуется сила во всей ея маленькой фигуркѣ, въ смѣломъ взглядѣ ея глазъ, лучистыхъ и загадочныхъ. Кажется, что эта маленькая женщина, почти ребенокъ, съ еще несформировавшимся бюстомъ, обладаетъ въ совершенствѣ чарами любви, под- сказанными ей не опытомъ, а инстинктомъ. Со временемъ, я увѣренъ, изъ нея выйдетъ очень опасная женщина. Вотъ, хотите, я васъ познакомлю съ нею, пойдемте вмѣстѣ отсюда ее встрѣчать.

— Нѣтъ, благодарю, у меня есть дѣло.

— Ну, что за вздоръ, дѣло не уйдетъ, да и это вопросъ получаса. Идемте сейчасъ, какъ разъ встрѣтимся съ нею.

Расплатившись, они вышли.

Невскій былъ полонъ публики, хорошіи майскій день выгналъ всѣхъ на воздухъ. Среди толпы Боримірскій скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ присутствіе новой знакомой. Она быстро шла, останавливая на собѣ взгляды встрѣчныхъ мужчинъ.

— Вотъ она, идите сзади, а потомъ я позову васъ. Здравствуйте, Ната, я очень счастливъ васъ видѣть.

— Да? Я такъ и думала, что мы встрѣтимся сегодня.

— Однако, вы довольно самоувѣренны! Но на этотъ разъ вы правы. Кстати, позвольте мнѣ представить вамъ одного моего товарища.

— Товарища? Зачѣмъ? Не падо, у меня и такъ слишкомъ много знакомыхъ, мнѣ ужъ и теперь прямо совѣстно появляться на улицахъ.

— Ну, однимъ больше, однимъ меньше, не все-ли равно, онъ славный малый. Да онъ и догналъ насъ совсѣмъ.

— Хорошо, знакомьте.

— Иванъ Петровичъ Кокоринъ.

— Вы сегодня, Ната, кажется, совсѣмъ въ

другомъ настроеніи, чѣмъ въ нашу первую встрѣчу, даже выглядите блѣднѣе.

— Вы замѣтили? Правда, я очень переменчива, меня называютъ хамелеономъ. Сейчас я весела, смѣюсь, готова сдѣлать всякую глупость, потомъ вдругъ все это пропадаетъ, и я дѣлаюсь грустной, все кажется скучнымъ, неинтереснымъ; иногда я бываю такой злой, что ко мнѣ нельзя подойти; и безъ всякой причины.

— Ну, я надѣюсь, что мы съ Иваномъ Петровичемъ сумѣемъ развеселить васъ, и къ концу дороги, ваши глазки не будутъ смотрѣть такъ строго. Я думаю, что все-таки ваше дурное настроеніе не безъ причины, вѣроятно вы получили неприятность по службѣ?

— О, ничуть не бывало; наоборотъ, меня тамъ всѣ ужасно любятъ и балуютъ. Если видятъ, что я засидѣлась на своемъ мѣстѣ, то гонять гулять; почти каждый день я пахожу на своемъ столѣ цвѣты или конфеты. И очень мило и весело провожу время на службѣ.

— Ахъ да, Ната, вы знаете я былъ недоволенъ собой, что обманулъ васъ въ нашу первую встрѣчу и не сказалъ своей настоящей фамиліи, это, конечно, была шутка, и вы позволите ее сейчасъ заглядить.

Боримірскій приэтомъ вынулъ изъ бумажника визитную карточку и передалъ ее своей спутницѣ.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это? Это очень не хорошо съ вашей стороны. Точно вы боялись какого-нибудь шантажа, что-ли. Вѣдь, если-бы я хотѣла васъ шантажировать и имѣла къ этому поводъ, то развѣ такъ трудно въ Петербургѣ узнать чью-нибудь фамилію.

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что это была шутка и даже самъ поднималъ этотъ вопросъ, такъ что, собственно, вамъ особенно нѣтъ причины сердиться.

— Я и не сержусь, тѣмъ болѣе, что я вамъ тоже не сказала своей.

— Вотъ видите, значить я виновата, но заслуживаю снисхожденія.

Кокоринъ молча слушалъ весь этотъ разговоръ, онъ какъ-то потерялся въ началѣ знакомства и теперь не находилъ удачной фразы, чтобы вступить въ него. Новая знакомая произвела на него сильное впечатлѣніе и онъ уже не жалѣлъ, что согласился познакомиться съ нею.—Что она изъ себя представляетъ,—думалъ онъ, для немного сзади и смотря на ея изящную фигурку,—она слишкомъ развязно себя держитъ, слишкомъ легко заводитъ знакомства, чтобы была приличной барышней; по-видимому, стоитъ только постараться, свезти ее въ ресторанъ, садъ,—и дѣло будетъ въ шляпѣ, развѣ что помѣшаетъ этотъ...—и онъ неприязненно посмотрѣлъ на шедшаго впереди Боримірскаго. Тотъ оживленно говорилъ, наклоняясь немного ближе, чѣмъ принято, къ своей дамѣ. Сѣрые холодные глаза его блестѣли, и лицо утратило свое постоянное, нѣсколько надменное выраженіе. Она смѣялась и сверкала глазами.

— Что же, настроеніе ваше измѣнилось,—вступилъ въ разговоръ Кокоринъ.

— Да, какъ видите; я же говорила вамъ, что оно мѣняется у меня каждую минуту!

— А ваше лицо, какъ точный барометръ,

отражаетъ его, прибавилъ Боримірскій,—у васъ очень подвижное лицо, есть первность, по-видимому большой темпераментъ, пріятный голосъ, интересная внѣшность... Я думаю, изъ васъ вышла-бы прекрасная актриса. Вы играли когда-нибудь?

— Да, въ любительскихъ спектакляхъ. Мнѣ предлагали поступить на сцену—въ фарсъ.

— Ну, и что же?

— А не знаю право, для этого все-таки надо учиться, а мнѣ некогда.

— Что значить некогда? Стоитъ лишь захотѣть. Развѣ васъ не прельщаютъ лавры, успѣхъ, поклоненіе, свободная и красивая жизнь... Вѣдь не похороните же вы себя навсегда въ бапкѣ среди бухгалтерскихъ книгъ и конторокъ.

— О, конечно нѣтъ, по вѣдь я еще очень молода, мое время впереди, мнѣ всегда говорить, зачѣмъ торопиться жить.

— Зачѣмъ торопиться?—чтобы не опоздать. Не думайте о томъ, что вамъ рано, что вы будете жить потомъ, живите сейчасъ, живите минутой, рвите цвѣты наслажденія, пока они свѣжи и не поблекли.

— Вы правы, и такъ и дѣлаю. Однако, мы уже у дома. Я не хочу, чтобы вы, господа, шли дальше, насъ можетъ увидѣть мой братъ изъ окна,—простимся здѣсь. До-свиданія, вы вѣдь будете встрѣчать меня со службы?

— Непремѣнно, съ удовольствіемъ,—почти въ одинъ голосъ отвѣтили Боримірскій и Кокоринъ.

— Ну что, какъ?—спросилъ первый, когда Ната скрылась за угломъ дома.

— Да, недурень экземплярчикъ.

Возвращались они молча, точно какая-то стѣна выросла между ними. Они почувствовали себя соперниками.

— Я поѣду, можно васъ подвезти?—спросилъ Боримірскій, который уже начиналъ жалѣть, что познакомилъ Нату со своимъ спутникомъ.

— Нѣтъ, благодарю, намъ кажется въ разныхъ стороны. До-свиданія.

— Извожникъ! На Литейный, живо!

— Сегодня вечеромъ я свободна, хотите провести его со мной?—спросила Ната Боримірскаго на слѣдующій день, послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ и проводилъ ее со службы,—отправимся куда-нибудь, позовите и Ивана Петровича, такъ кажется зовутъ вашего товарища?

— Да, съ большимъ удовольствіемъ, что же касается до Ивана Петровича, то я сомнѣваюсь, удастся-ли мнѣ пзвѣстить его. Скажите теперь часъ и мѣсто, гдѣ я могу васъ встрѣтить.

— Будьте въ семь часовъ на углу Знаменской и Невскаго, хорошо? Только, знайте—я аккуратна—приду во время, но, если васъ не будетъ, я не стану ждать ни одной секунды.

— Могу васъ увѣрить, что этого не случится.

Извозникъ ѣхалъ быстро. Отъ скорой ѣзды лицо Наты покраснѣлось, глаза блестѣли. Полной грудью вдыхала она свѣжій воздухъ. Толь-

ко-что распутившаяся зелень наполняла его ароматомъ неопредѣленнымъ, но сладостнымъ и одуряющимъ.

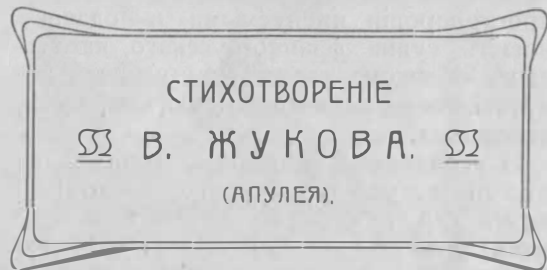
— Вотъ бесѣдка, въ которой какъ-то зимой, годъ тому назадъ, я сидѣла и плакала.

— Почему?

— О, это цѣлая исторія!

— Расскажите ее мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Былъ шумень римскій Колизей..
И тамъ и сямъ пестрѣли тоги...
Безмолвно всюду у дверей
Стояли мраморные боги...
Сегодня праздникъ... Цезарь самъ
Былъ въ непонятномъ восхищеніи...
Поднятемъ длани къ небесамъ
Сигналъ онъ подалъ къ представленію...
Въ хитонѣ бѣломъ, съ головой
Повитой вѣткою алоэ,
Безъ латъ, но съ лирой золотой
Она вошла на поле злое...
За ней, открывши страшный зѣвъ,
И потрясая жесткой гривой,
Вбѣжалъ безшумно грозный левъ,
Какъ котъ, голодный и игривый...
И все умолкло... Колизей
Въ восторгѣ замеръ... Сводъ лазурный
Не отражалъ своихъ лучей
И не ласкалъ навѣсъ пурпурный...
И въ это время, въ тишинѣ
Раздались звуки лиры нѣжной.
И, точно въ чудномъ сладкомъ снѣ,
Къ любви зывали безмятежной...
Играла дѣва... И у ногъ
Ея, послушный и покорный,
Владыка скалъ пустынныхъ легъ.
Внимая пѣснѣ благотворной...
А вмѣстѣ съ нимъ и Колизей
Позналъ прошеніе въ напѣвѣ
И силой мощною своей
Жизнь даровалъ несчастной дѣвѣ...

Изъ книги быт!я театральнаго.

I.

О режиссерѣ Нѣкомъ, гнѣздо себѣ прочное на Театрѣ литературно-художественномъ свившемъ.

Во время оно мужъ сей, Евтихіемъ при крещеніи нареченный, не помышлялъ даже о санѣ режиссерскомъ и тѣмъ единственно занимался, что комедіи сочинялъ бѣсовскія, драмами бытовыми въ простонародіи именуемыми, и поддевку носилъ сукна франко-русскаго, наружнымъ обликомъ своимъ трезвеннаго депутата Государственной Думы, Челышева, напоминая.

И утомившись единожды отъ драмодѣланія сугубо назойливаго, восхотѣлъ мужъ сей начальство пріять надъ лицами пола обоего, комедь неподобную ломающими. И достигъ онъ сего трудомъ неусыпнымъ, старшихъ уважая выше мѣры, и родителей почитая, какъ начертано о томъ на скрижаляхъ Моисеевыхъ.

Прослуживъ вѣрой и правдой на сценѣ Театра Литературно-Туношенскаго, ушелъ драмодѣлъ, режиссеромъ именуемый, на сцену Театра Казенно-Всеволожскаго, откуда вернулся, по размышленіи зрѣломъ, опять на сцену Театра Литературно-Гриневско-Дельерскаго.

И была ему уготована встрѣча торжественная, побѣдный вѣздъ Цезаря напоминающая.

Справивъ весьма недавно юбилей свой, администраціей Театральной утвержденный, великій мужъ сей на лаврахъ отдыха и распрямляя усталыя нозы свои, скромности, благородности преисполнился и рекъ, наводя дланью глянecъ на лысину:

— Откуда мнѣ сіе?.. Достоинъ ли я торжества юбилейнаго, и какія такія заслуги мои передъ Театромъ возлюбленнымъ, главный пай коего принадлежитъ дѣдушкѣ сердитому, покойническими и казенными объявленіями себя прославившему?..

На что діаволъ, принявшій образъ Гаврилы Главацкаго, режиссера хотя и не главнаго, но во многомъ онаго превосходящаго, отвѣтствовалъ кротко:

— Господине!.. Тебѣ ли кручиниться?.. Поднялъ ты Театръ Литературно-истинно-русскій на высоту недосыгаемую!.. Безъ разрѣшенія твоего милостиваго никогда не узрѣли бы свѣту Божьяго драмодѣла безусые, Острожскому подобные!.. Никуда бы не могли школьники сіи пристроиться, но ты, господине, о дарованіи своемъ въ духѣ «Слободки рабочей», памятуя, восхотѣлъ добро содѣлать и всѣхъ угодныхъ тебѣ къ Театру приблизилъ!.. исполать тебѣ, о режиссере!.. столько драмодѣловъ расплодилъ ты за время короткое, что жители Гавани галерной въ сильной степени наводненія опасаются!.. Касательно же режиссерства твоего ничего не могу сказать, ибо разглядѣть оно можно только съ помощью инструмента заграничнаго, микроскопомъ прозываемаго!.. А посему и кручиниться тебѣ не слѣдуетъ!.. Справилъ ты юбилей по заслугамъ, начальству угоднымъ!..

Тогда мужъ великій гнѣва преисполнился и воскликнулъ, шевеля брадой съ просьбю:

— Изыде, сатана!.. Памятуй всегда, что я здѣсь самый главный, а ты просто режиссеръ, коего могу я при добромъ желаніи въ порошокъ стереть!.. Разсыпья, окаянный!..

И разсыпался Главацкій Гаврила на тысячу кусковъ, ибо никакой другой протекціи, кромѣ таланта собственнаго, не имѣлъ. Аминь.

II.

Объ учитель доблестномъ Юріѣ и ученикахъ его довѣрчивыхъ.

Учитель доблестный Юрій, съ фамиліей Озаровско-Мусинской, узрѣвъ однажды толпу отроковъ и отроковицъ, обратился къ ней съ улыбкой пріятственной и вопросилъ игриво:

— Хотите-ли силы свои на Театрѣ испробовать?.. При добромъ желаніи нашемъ, ровно черезъ три года, считая отъ сего времени, сдѣлаю васъ, отроковицы, похожими на жену мою Мусину, рѣдкоиграющую, а васъ, отроки—на меня, Юрія доблестнаго и высокоумнаго?..

Молодежь неопытная, полагая въ довѣрчивости, что учитель сей большую силу на Театрѣ имѣетъ и во всякое время можетъ протекцію оказать, въ смыслѣ жалованья казеннаго, неустанно текущаго, отвѣтствовала восторженно:

— Учителствуй, учитель!.. Хотимъ быть похожими на Мусину рѣдкоиграющую и на тебя доблестнаго и высокоумнаго, хотя людямъ способностями отъ природы обладающимъ, сдѣлать сіе довольно затруднительно!..

Но не убоаяся затруднительства Юрій высокоумный и, взявъ за руки отроковъ съ отроковицами, потащилъ оныхъ въ школу Театральную, желая учинить надъ людьми, способностями обладающими, дѣйство озаровское.

И учинилъ оно ровно черезъ три года, во славу высокоумія своего, для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній рекомендованнаго.

На экзаментѣ, въ пустынь Театра Михайловскаго происходящемъ, передъ публикой любопытствующей, Мусиныхъ и Озаровскихъ предстало, что и повергло всѣхъ, не исключая и капельдинеровъ, въ тоску безысходную. Даже самый сдержанный въ сужденіяхъ своихъ, ошричный именитый съ фамиліей Крупенистой, обратясь къ начальнику и благодѣтелю своему, въ чинѣ директора Театрального, воскликнулъ съ замѣтнымъ ужасомъ:

— Господи, Боже ты мой!.. Неужели же все сіе приплыветъ къ нашему берегу?.. Пронеси благополучно!..

И рекло на сіе начальство милостиво:

— Успокойся, чадо мое возлюбленное!.. Лъзя-ли намъ, не знающимъ куда дѣвать одного Озаровскаго Юрія, принимать на службу сіи олеографіи, съ оригинала неудачнаго воспроизведенныя?.. А ежели намъ статисты понадобятся, то пригласимъ мы озаровскихъ жертвъ особыми повѣстками, форму которыхъ поручаю выработать тебѣ въ короткій срокъ, дабы не могли сказать злоязычники, что ты, будучи къ Театру образцовому ни однимъ бокомъ не причастенъ, даромъ деньги казенныя получаешь!..

Услыша случайно монологъ сей, отроки и отроковицы, тысячу девяносто пять дней напрасно потерявшіе, приблизились къ учителю высокоумному и возгласили торжественно:

— Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки!!

И дарованіе озаровское, къ подобнымъ рецензіямъ привыкшее съ давнихъ поръ, грустно головой поникло.

Домострой.

ПАРАЛЛЕЛИ.

«Изъ дальнихъ странствій возвратясь», т. е. объѣхавъ всю Финляндію, а затѣмъ проживъ около четырехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, я, наконецъ, вернулся къ своимъ пепатамъ, т. е. въ среду столь милой сердцу моему Петербургской литературно-артистической богемы. Здѣсь я выросъ, здѣсь я учился, здѣсь наконецъ, познавалъ и вкушалъ красоты жизни... Немудрено поэтому, что я хочу посравнить Москву съ Петербургомъ, разумеется только въ предѣлахъ литературы и искусства.

Говорятъ, что Москва театральнѣе Петербурга. Отчасти это справедливо. Въ Москвѣ и актеръ добросовѣстнѣе работаетъ, и публика болѣе чутко относится къ искусству, и режиссеры какъ-то вдумчивѣе, дѣльнѣе, что-ли. Стапиславскій, Менскій, Синельниковъ—это все имена, которымъ въ Петербургѣ некого противопоставить. Развѣ одного г. Сапина? Остальные же, прости имъ Господи ихъ прегрѣшенія, не вѣдаютъ, что творять.

К. В. Бравичъ какъ то повѣдалъ интервьюеру одной московской газеты, что-де московская театральная публика будто бы болѣе чуткая, чѣмъ петербургская. Г. Бравичу, конечно, и книги въ руки, ибо онъ испыталъ это на опытѣ: имѣя въ Петербургѣ громадный успѣхъ, онъ промелькнулъ въ Москвѣ почти незамѣтно. Не правъ за то г. Бравичъ въ томъ отношеніи, что смѣшиваетъ старыя и новыя формы искусства. Москва—городъ театральныхъ, художественныхъ и литературныхъ традицій. Москва ничего не дѣлаетъ зря, «съ плу съ жару, — пятачекъ за пару».

Москвичъ сперва обдумаетъ, обмозгуетъ и если разродится, то чѣмъ-нибудь обстоятельнымъ, обоснованнымъ и построеннымъ на прочномъ фундаментѣ. Москвичъ смотритъ театральное представленіе или любитъ картину съ такимъ же аппетитомъ, съ какимъ онъ кушаетъ у Тѣтова превкусные растегаи. Поѣсть и пальчики оближетъ. Онъ и таланты любитъ вполне опредѣлившіеся, онъ и пьесы смотритъ уже прогрессившія. Скажу еще, что Москва застыла на одной точкѣ. Для нее вѣтъ—пока, разумеется—движенія впередъ. Это стоячая вода, мѣстамъ—даже покрывшаяся тинной.

Но жизнь идетъ впередъ. Вмѣстѣ съ жизнью реформируется все: устои и основапія, по которымъ живетъ человѣкъ, литература, театр, живопись и другія искусства. И вотъ Петербургъ, какъ голова Россіи (Москва—только желудокъ), вѣрнѣе—сердце и душа, идетъ впередъ. Петербургъ формируетъ и строитъ но-

вую жизнь. Понятно поэтому, что петербуржец относится ко всему совсѣмъ иначе, чѣмъ москвичъ. Петербургскій театраль никогда не угомонится. Онъ вѣчно будетъ искать какъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ новыя формы. Ошибки при этомъ неизбежны и вотъ почему.

Новыя условія жизни создаютъ и новыхъ людей. Это—старая истина. Но нельзя отрицать и того, что все же долженъ пройти болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени съ момента введенія въ жизнь реформъ и до той поры, пока появятся дѣйствительно, а не воображаемые люди, пока народятся соответствующія духу времени искусства и литература, созданныя новыми началами жизни. Первое же время можно только съ приблизительной вѣрностью предполагать, что выйдетъ. Вотъ почему въ эпохи переворотовъ и великихъ реформъ всегда замѣчалось временное оскуднѣе литературы и искусства. И то, и другое отражаетъ жизнь, а не теоріи, которая создаетъ пылкая фантазія новаторовъ.

Все это я говорю для того, чтобы показать, что гг. Блоки, Вѣлые, Каменскіе, Гиппиусы и др. ошибаются произвольно. Они «ищутъ», а искать безъ ошибокъ и заблужденій почти невозможно. Когда идете въ темпотѣ, то непременно по разъ споткнетесь и собьетесь съ прямого пути.

Хорошо и то, что хоть часть изъ этихъ строителей новаго выползла на прямую дорогу. Назову: Л. Андреева, О. Соллогуба, М. Горькаго и др.

Итакъ—Москву я считаю хранилищемъ хорошаго стараго, а Петербургъ—творцомъ новаго. И потому петербуржцу не по себѣ въ Москвѣ, москвичу не по нутру въ Петербургѣ. Но это только временно, преходяще... Наступитъ день, когда они сплуются и столкнутся...

Вл. Линскій.

Моя біографія.

Шаржъ Н. Грабовскаго.

1878. Я поступилъ въ ученіе къ сапожнику.

1879. Поступилъ ученикомъ къ художнику.

1880. Былъ поваренкомъ на пароходѣ.

1884. Посыльнымъ.

1885. Булочникомъ.

1886. Хористомъ въ оперной бродячей труппѣ.

1887. Продавалъ яблоки на улицѣ.

1888. Хотѣлъ лишить себя жизни.

1890. Былъ писцомъ у адвоката.

1891. Исходилъ Россію пѣшкомъ.

1892. Напечаталъ свой первый романъ. Въ этомъ же году съ легкой руки Короленки пошелъ въ ходъ.

Потомъ писалъ, печаталъ, ставилъ на

ноги, лежавшаго въ «Безднѣ», Леонида Андреева, выволакивалъ на свѣтъ Божій Куприна и иныхъ „прочихъ“ мальхъ.

1907. Смерть, какъ хотѣлось пожить за океаномъ,—да, «подали карету».

1908. Мое «Знаніе» не было уже нужно ни Леониду Андрееву, ни даже любителю до «Поединка».

Теперь остался я одинъ... а на рукахъ дѣтеныши литературные... одинъ меньше другого...

Понемножку меня уставали читать, а теперь и совсѣмъ бросили.

Должно, я кончился!?

НАША ЛИТЕРАТУРНАЯ БОГЕМА *)

Если бы правдиво разсказать ея жизнь, никто не повѣрилъ бы:

— Выдумка! сказали бы...

Циничная, вѣчно пьяная, утратившая всякое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ, о чести, о совѣсти, богема наша рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ міра обыкновенныхъ мошенниковъ и воровъ, съ тою только разницей отъ нихъ, что нѣтъ въ богемѣ ихъ смѣлости. Трусливая, она способна на мелкія гадости: не заплатитъ по счету въ ресторанахъ, попрошайничать, шантажировать и совершать даже кражи, когда это можно дѣлать безопасно...

Въ рядахъ богемы вы найдете и боллетристовъ, и поэтовъ, и критиковъ и, вообще, примазавшихся къ литературѣ мелкихъ авантюристовъ.

Чѣмъ они живутъ? секретъ полишинеля.

...здѣсь...

Голой цинизмъ и никто не скрываетъ морозостой своихъ.

Всѣ души на распашку.

Гордятся морозостями, смакуютъ ихъ.

Цинизмъ, хамство, алкоголизмъ и больше ничего.

Разговоры—грязны. Къ женщины нѣтъ и тѣни уваженія.

Всѣ діалоги вертятся вокругъ одной заботы: гдѣ бы сорвать нѣсколько рублей и пропить ихъ въ кабацѣ.

Создалась даже особая профессія попрошайничества.

Надутъ товарища, получить за него деньги, присвоить ихъ, и потомъ надругаться надъ нимъ—считается особымъ шикомъ въ богемѣ, верхомъ молодечества...

Вѣчные скандалы, драки, площадная ругань сдѣлали то, что многіе клубы закрыли окончательно свои двери передъ членами богемы.

...живетъ наша петербургская литературная богема, искусно балансируя на грани съ міромъ уголовщины...

Мелко-злобная, завистливая, бездарная, свободная отъ всякихъ волѣній совѣсти, въ циничной наглости не знающая удержа, богема добьется своего: я почему-то глубоко убѣжденъ, что рано или поздно она очутится на скамьѣ подсудимыхъ, и тогда-то вотъ прокуроръ развернетъ передъ судомъ такую картину грязи и гнили, что вся Россія ахнетъ только отъ удивленія и стыда...

Гр. Ст—въ.

*) С. Мол.

СТАРОЕ и НОВОЕ.

Въ И. Р. Театральномъ Обществѣ, по-видимому, все успокоилось и тихія воды, окаймленные высокимъ и сухимъ камышомъ, послѣ пробѣжавшей по ихъ лону мелкой ряби, попережнему въ своемъ невозмутимомъ покоѣ отражаютъ синюю глубину безпредѣльнаго неба и свою камышевую кайму. И только еще рѣютъ надъ сонными водами нѣсколько крикливыхъ, но уже утомленныхъ, чаекъ. Послѣднія чайки еще кричатъ «впередь!», «проснись!», но крикъ ихъ теряется въ необъятной тишинѣ покоя, гдѣ лишь камышъ тихо шепчетъ о чемъ-то грустномъ, о чемъ-то давно забытомъ.

Жизнь Т. Общества входитъ въ свою старую, знакомую колею, которая черезъ знакомыя картины бытоваго пейзажа ведетъ къ вѣчному успокоенію, къ забвенію.

А. Е. Молчановъ — вице-президентъ, председатель Совѣта и душа Общества остается, какъ и былъ внѣ сферы досягаемости для надоѣдливыхъ-крикливыхъ чаекъ. Онъ — *назначается и утверждается*, а не выбирается на должность Председателя Совѣта членами Общества. И въ выборѣ: — потерять-ли назначаемаго Молчанова, или имѣть избираемаго. Председателя Совѣта — петербургскій ареопагъ соединенныхъ силъ Русскаго Т. Общества рѣшилъ — оставить Молчанова — назначаемаго. Рѣшеніе знаменательное и вѣрно рисуетъ положеніе дѣлъ О-ва. А. Е. Молчановъ — жизнь О-ва, его сердце, его сила. Уйди А. Е. и старое Т. О-во умретъ, потому что безъ сердца организмъ жить не можетъ. Быть можетъ, это сердце большое и обслуживало большой организмъ—это другой вопросъ, а что безъ А. Е. Молчанова нѣтъ силъ у Т. Общества, тому служить доказательствомъ недавнее экстренное «соединенное» засѣданіе въ Петербургѣ членовъ Совѣта и Ревизионной Комиссіи О-ва, гдѣ ликвидировали легкую демонстрацію полной капитуляціей. Молчанова *упросили* остаться. Оппозиція разбита. Дальнѣйшіе важные вопросы, возбужденные протестантами, какъ не спѣшные и не значительные примутъ положеніе покоя подъ сукномъ. Становится тихо-тихо.

И смерть Пальмина, вызвавшая собой нѣкоторое движеніе, тоже прошла безъ послѣдствій и какихъ-либо осложненій. Все образуется. Руководители Т. О-ва, предпринявшіе неудавшуюся попытку обратитъ своего служащаго и вѣрнаго имъ рыцаря въ *общественнаго* дѣятеля и въ «друга русскаго актера» (для чего объявили походъ на дырявые карманы провинціальныхъ актеровъ), теперь нашли и замѣстителя Пальмина. Нашли обидно скоро для «незамѣнимаго, утраченнаго сотрудника».

Новый управляющій Театральн. Бюро, главный маклеръ театральной биржи, конечно, — антрепренеръ. И иначе быть не могло. Если Т. Общество существовало для антрепренеровъ, то какъ же такую важную кандидатуру не замѣстить—антрепренеромъ—своимъ человекомъ?

«Ну, какъ не порадовать родному чловѣчку»...

Говорятъ, и актеры эту кандидатуру одобряли. Но это только «говорятъ». Актеры, масса—молчатъ, „бо благоденствуетъ!“ Имъ нуженъ не ярлыкъ, не имя, а реформа всего дѣла, измененіе всего внутренняго строя ихъ трудового рынка, которое дѣйствительно могло бы служить помощью и притомъ равной для всѣхъ ищущихъ заработка. Слѣдовательно, вопросъ не въ именахъ, хотя бы даже и вызывающихъ къ себѣ симпатіи, а въ постановкѣ самаго дѣла.

Есть въ Т. Обществѣ проявленія и нѣкотораго движенія. Но это движеніе — по слѣдамъ Союза сценическихъ дѣятелей. Союзъ въ программѣ для предстоящаго Съѣзда Режиссеровъ намѣтилъ пересмотръ, такъ называемаго «нормальнаго» договора. Теперь и О-во извѣщаетъ о такомъ же пересмотрѣ, который будутъ производить, якобы, делегаты отъ труппъ. Тамъ—пересмотръ и тутъ. Тамъ — съѣздъ режиссеровъ, а тутъ — делегаты. Театральный мѣръ можетъ спать спокойно: его благополучіе повезутъ въ двѣ тяги. Впереди — паровозъ «демагогическій», а сзади — бюрократическій. Который перегонитъ? У перваго—союзнаго, — говорятъ, больше молодого задора, благихъ порывовъ, чѣмъ силъ; а у втораго—бюрократическаго—связи, чины и... дефициты. Соревнованіе достойно вниманія.

Но только пусть Союзъ сц. д. въ этомъ соревнованіи и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ не заражается болѣзью Т. Общества и не ставитъ всякое начинаніе въ связи съ фирмой. Пусть онъ ясно сознаетъ, что времена привилегій, монополій, латифундій и всякаго «казеннаго» кормленія ушли въ прошлое. Теперь настаетъ время дѣла, а не лицъ. Неумолимаго анализа сущности, а не его оболочки. И пословица—„не все то золото, что блеститъ“, теперь имѣетъ самое широкое примѣненіе и значеніе. Пусть Союзъ требуетъ дѣла, а не имени. Пусть онъ собственными усиліями безъ всякой покровительственной системы создаетъ себѣ почетъ и уваженіе не среди «генераловъ—отъ театра», а среди общества, въ которомъ ему предназначено жить и работать, работать во имя своего назначенія, во имя взаимопомощи трудящихся сценическихъ дѣятелей, во имя единенія, гдѣ нѣтъ различія ранговъ и чиновъ, а есть одна большая семья, одно общее большое, здоровое дѣло.

Союзъ стоитъ на вѣрной дорогѣ большого будущаго. Ему уже можно предвѣщать успѣхъ. Не даромъ старый куликъ—*съ тихихъ тихихъ водъ*—хохлится и недоволенъ «безпорядочной пѣной наскока»¹⁾. Недаромъ онъ, *сжившійся съ родной стихіей*, злится и, озираясь вокругъ себя, ворчитъ: «Да невесела ты, родная картина!».

И, дѣйствительно: какое же веселье кулику въ картинѣ болота, хотя бы и родного...

Мих-Зовъ.

Москва, 16 февр. 1908 г.

¹⁾ См. 6-й № „Т. и П“.

МАРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Гастроль г. Берналь-Рески.

«Непостижимы порядки твои». Съ этой фразой, мы можемъ смѣло обратиться къ правиламъ дирекціи Маринской сцены. Если кто нибудь объяснитъ мнѣ цѣлесообразность приглашенія на гастроли такихъ дутыхъ итальянскихъ знаменитостей, какъ г. Берналь-Рески—цѣлесообразность такъ сказать и въ художественномъ и въ матеріальномъ смыслѣ—то я отнынѣ готовъ преклоняться передъ мудростію г. Крупенскихъ и самому расписаться въ полномъ невѣжествѣ и ничего незнаніи. Правда, злые языки говорятъ, что г. Берналь былъ приглашенъ вслѣдствіе давленія со стороны какихъ-то „сферъ“. Что же, „сферы“, такъ сферы! Это только можетъ вселить въ наши сердца самыя свѣтлыя надежды и спокойствіе за будущее оперы. Мы можемъ ожидать, что «покровительственная» система, вскорѣ проникнетъ и въ сферу оперныхъ подмостковъ, гдѣ теплыя мѣстечки казенныхъ Раудей и Торреадоровъ займутъ «свои» люди. И почему же не такъ? Чѣмъ «казенная» опера хуже другихъ казенныхъ учреждений? Вы можетъ быть усомнитесь въ томъ: найдутся-ли среди покровительствуемыхъ «сферами «своихъ» людей, способные быть пѣвцами и актерами? О не тревожьтесь! Еще никогда не было столько «званныхъ», скорѣе всего, столько «зовущихъ самихъ себя» въ храмъ опернаго искусства, чѣмъ въ переживаемые нами дни и изъ какихъ вы думаете?—только изъ высокоосвѣтскихъ круговъ. Недаромъ завистливые коллеги одного изъ наиболѣе популярныхъ «профессоровъ пѣнія» такъ и не могутъ ему простить, что къ нему ученики на уроки приѣзжаютъ въ своихъ ландо и моторахъ. А сколько среди этихъ „званныхъ“—избранныхъ—это другой вопросъ. Да и добродѣтельныхъ, протежирующихъ тетенецъ и дядюшекъ этотъ вопросъ, въ сущности, меньше всего беспокоитъ. Свою повипность, дремать раза два въ недѣлю въ абонированной ложѣ, не все-ли равно отбывать при какомъ угодно составѣ исполнителей на казенной сценѣ? А окладъ „своему“ чловѣчку въ 7—8 тысячъ—дѣло вовсе не „пустячное“. Да и пора таки въ концѣ-концовъ выкурить разночинца изъ такого учреждения, гдѣ первое мѣсто, по справедливости, должно принадлежать не «черной», а родовитой, «бѣлой кости».

Мнѣ скажутъ, что все это каламбуры. Отлично! Если все вышесказанное далеко отъ дѣйствительности, то пусть мнѣ отвѣтятъ, чѣмъ мотивованъ недавній пріемъ на Маринскую сцену новаго баритона г. К. (изъ военныхъ). Менѣе всего ощущается недостатокъ именно въ баритонахъ на Маринской сценѣ. И вслѣдствіе избытка въ этихъ голосахъ, нигдѣ какъ среди этой группы не замѣчается такого несправедливаго къ ней отношенія со стороны администраціи въ смыслѣ распредѣленія ролей.

Ни въ одной группѣ голосовъ нѣтъ столько фаворитовъ, сколько вы ихъ замѣчаете среди баритоновъ. Артистъ Брагинъ, человѣкъ съ выдающимся голосомъ, рѣдкимъ по тембру и по діапазону, пѣвецъ съ большимъ вкусомъ и рѣдкой законченностью фразы, пѣлъ за весь сезонъ считанныхъ нѣскольکو разъ. А другіе, — лишены всякаго чутья, антимузыкальные съ головы до ногъ — поютъ по 3—4 раза въ недѣлю. Спрашивается, если такіе пѣвцы, какъ Брагинъ — сидятъ безъ дѣла, что же будетъ дѣлать г. К., къ тому еще новичекъ, никогда не выдавшій сцены? Отвѣтъ только тотъ, что у г. К. связи, что онъ родовой, что ему нужны нѣскольکو тысячъ на жизнь. Неужели же изъ за этихъ только соображеній наводнятъ сцену никому ненужными силами.

Тотъ же вопросъ возникаетъ невольно и по поводу „гастроли“ г. Берналъ-Рески. Носятся упорные слухи, что этотъ „американскій“ итальянецъ говорящій по русски не хуже любого москвича тоже будетъ принятъ на Маринскую сцену. Баритоновъ все-таки „мало“ и ихъ кадръ обязательно надо дополнить этими „французами изъ Повгорода“ (?). Оставляя уже въ сторонѣ вопросъ о томъ: нуженъ или ненуженъ г. Берналъ на казенной сценѣ, посмотримъ, что этотъ господинъ представляетъ собою какъ вокалистъ и актеръ. Его выходъ состоялся въ партіи Амонасро въ „Аидѣ“. Пѣлъ онъ по итальянски. И его первая фраза въ упомянутой партіи въ сущности уже показала, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Партія начинается такъ: „Отецъ ся, сражался я, искалъ я смерти, но остался живъ“. На словѣ «живъ» насколько помнится значится *la bemol* или *sol* въ басовомъ ключѣ, нота, такъ сказать, далеко не предѣльная и крайне необходимая въ баритоновомъ діапазонѣ. Г-нъ Берналъ не задумываясь сразу „ударилъ“ въ октаву. И все это было прикрашено характернымъ итальянскимъ „*staccato*“, что обыкновенный зритель всегда принимаетъ за бурный драматическій выпадъ. Ухо же специалиста моментально констатируетъ страшную пустоту, или же полное отсутствіе низовъ. Затѣмъ, при дальнѣйшей интерпретаціи роли г. Берналъ въ звуковомъ отношеніи летѣлъ по паклопной плоскости все ниже и ниже. Во время ансамбля, хоть бы одинъ его звукъ слышали! Въ общемъ у г. Бернала — жиденькій голосокъ съ чисто теноровой силой звука, но съ какимъ то «скрипомъ». И послѣднее только заставляетъ думать, будто у г. Бернала не теноръ, а баритонъ. Часто у такихъ голосовъ верхи бываютъ свободны! У г. Бернала этого совѣмъ не видно. Въ знаменитой фразѣ (въ сценѣ на берегу Нила) «Ты раба Фараона», всѣ баритоны вмѣсто «фа» берутъ *la-bemol*, а г. Берналъ „фа“ взялъ съ большими трудностями. Однимъ словомъ вся эта „гастроль“ была сплошнымъ недоумѣніемъ съ пачала до конца, какъ по части ея цѣлесообразности вообще, такъ и по своимъ художественнымъ результатамъ. Я только удивлялся все время, почему это была „гастроль“ г-на Берналъ-Рески, а не г-жи

Куза — Анды или г. Матвѣева — Радамеса. Я давно уже не помню, чтобы эти два артиста были въ такомъ ударѣ, въ какомъ они были въ описуемый вечеръ. Г-жа Куза дала такой трогательный образъ рабыни-эфиопки, всѣ движенія, жесты и мимика были такъ согласованы съ музыкальной фразой, голосъ ея звучалъ съ такой теплотой и задушевностью, что она заставила зрителя совершенно забыть и мысленно перенестись въ отдаленную эпоху владычества грозныхъ фараоновъ. Великолѣпенъ былъ г. Матвѣевъ, особенно, въ сценѣ на берегу Нила. Голосъ этого артиста, какъ будто созданный для партіи Радамеса, проявляется въ полномъ своемъ блескѣ именно въ названной сценѣ. Заключительная фраза „жрецъ великій, я плѣнникъ твой“, была передана съ такой экспрессіей и силой звука, что вся аудиторія, какъ одинъ человѣкъ, стала аплодировать артисту. И несмотря на это, «гастролеромъ» былъ все-таки г-нъ Берналъ-Рески, получивъ вѣроятно за свой выходъ приличную сумму. Такова сила заморскихъ „кунстахеровъ“, воздѣйствіе ихъ наглой рекламы на психику нашихъ чиновниковъ, вѣдающихъ дѣла родного искусства. Ничего не подѣлаете. Протестуйте, сколько вашей душѣ угодно, а порядки останутся тѣ-же.

Въ партіи Амнерисъ въ описуемый вечеръ выступила г-жа Славина. Артисткѣ голосъ окончательно отказывается повиноваться. Знаменитую фразу: «въ борьбу со мной вступаешь, ступай»; г-жа Славина просто «прокричала». Особенно рѣзокъ былъ этотъ «ступай». Въ сценическомъ же смыслѣ г-жа Славина была далека отъ идеала изъ-за своей фигуры. Вообще мнѣ кажется, что г-жѣ Славиной пора было бы уже заняться «профессурой» и очистить свое мѣсто на сценѣ.

С. Генъ.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Для четвертаго экзаменаціоннаго спектакля Императорскихъ драматическихъ курсовъ были поставлены: драма г. Найденова «Дѣти Ванюшина», первый актъ изъ драмы Фабера «Вѣчная любовь» и арлекинада Э. Корна «Коломбина». Спектакль начался «Вѣчной любовью», въ которой въ роли Клары Шпаръ экзаменовалась г-жа Вертеръ. Всѣ старанія молодой артистки пропали даромъ, благодаря слабому голосу и слишкомъ вертлявымъ движеніямъ; она Клара Шпаръ вышла совѣмъ не такой, какой создалъ ее Фаберъ. Какъ наплюсъ нужно все-же указать, что г-жа Вертеръ обладаетъ сценической внѣшностью и мѣстами недурно играла. Хорошо былъ г. Рустумовъ въ роли старика Фюринга. Превосходно прошла, не лишняя мелодраматическихъ эффектовъ арлекинада Эриха Корнъ «Коломбина». Здѣсь экзаменовались г-жа Зелинская (Коломбина), г. Всеволодскій (Арлекинъ) и г. Волковъ (Паяцъ). Г-жа Зелинская вполне готовая актриса, могущая быть полезной въ любомъ театрѣ въ роляхъ кокетокъ. Красивая сценическая внѣшность, умѣнье носить туалеты, изящныя жесты, граціозныя движенія, богатая мимика и разнообразныя интонаціи го-

лоса помогли ей создать такую Коломбину, которая вполне соответствовала намѣреніямъ автора и сдѣлала понятными страсть «паяца» и «арлекина» къ Коломбинѣ. Въ этой роли Петербургъ видѣлъ такую талантливую актрису, какъ Тилли Вальдигъ, игравшую эту роль въ труппѣ Бока въ Александринскомъ театрѣ и, надо сознаться, что начинающая г-жа Зелинская была лишь не многимъ хуже опытной г-жи Вальдигъ. Хорошо былъ также г. Волковъ въ роли Паяца; безъ лишнѣхъ подчеркиваній онъ провелъ тяжелую душевную драму обманутаго мужа. Г. Всеволодскій — Арлекинъ не былъ тѣмъ свѣтскимъ богатымъ бариномъ, которымъ онъ долженъ былъ-бы быть. Слабѣ другихъ пьесъ прошли «Дѣти Ванюшина». Здѣсь экзаменовались г-жа Баркалова и г. Пахомовъ и Рустумовъ. Г-жа Баркалова, Клавдія, неудачнымъ гримомъ и вялой игрой погубила все. Г. Пахомовъ игралъ Константина Ванюшина какимъ-то апраксинскимъ моншеромъ. Изъ трехъ экзаменуемыхъ лучшимъ оказался г. Рустумовъ (Щеткинъ), но и онъ впадалъ въ шаржъ. Изъ остальныхъ исполнителей похвалы заслуживаютъ г-жи Тиме (Людмила), Вадовская (Катя), Варяжская (Аня) и отчасти г. Ставрогинъ (Алексѣй) и г-жа Васильева (Авдотья).

Б—нъ.

БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ КОНСЕРВАТОРІИ.

Гастроль тенора г. Алчевскаго.

Когда-то, въ старину знали, что, если природа чѣмъ-нибудь обидѣла человѣка, то тутъ ужъ хитрить нечего. Что ни подѣлаешь, а изъязнъ такъ и останется изъязномъ. Въ наше же время пара и электричества люди ухитрились якобы обмануть природу. Собственно не столько природу, сколько людей созерцающихъ ея уродства и совершенства.

Пошла страшная фальсификація не только въ области матеріальныхъ веществъ необходимыхъ для житейскаго обихода, но и въ областяхъ почти невидимыхъ, обстрактныхъ, гдѣ „подмѣнъ“ и „недомѣръ“, казалось, менѣе всего возможны. Нашлись ловкачи, которые такую «тонкую матерію», какъ человѣческій голосъ тоже «подмѣняютъ». Не хуже любого аршинника эти господа умѣютъ такъ показывать свой товаръ лицомъ, что неопытный глазъ — въ данномъ случаѣ неопытное ухо — очень часто попадаетъ въ просакъ. Въ блаженное старое время голоса подчинялись строгому дѣленію на различныя категоріи. Тенора, напримѣръ, дѣлились на героическіе, или драматическіе, *mezzo-soprano*, и лирическіе. И въ соотвѣтствіи съ такимъ дѣленіемъ каждый пѣвецъ брался за подходящій къ его голосовымъ даннымъ репертуаръ. Теперь же пошло какое-то вавилонское столпотвореніе. Лирическій тенорикъ еле справляющійся съ партіей Ленскаго, кричитъ что есть мочи, желая преодолѣть тесноту партіи Рауля въ «Гугенотахъ» и т. д. Но бѣда еще не была бы такъ велика и такіе фальсификаторы заслуживали бы еще снисхожденія, если «подмѣнъ» часто не прикрывался бы прямо-таки негодными средствами. Между тѣмъ именно за послѣднее, я нѣкоторыхъ го-

сподь «горлодеровъ» прямо таки отправилъ бы въ мѣста не столь отдаленныя. Съ легкой руки одного знаменитаго когда-то пѣвца-тенора, лавры котораго значительно поблекли и, который совершивъ поѣздку въ Америку, пѣлъ послѣ этого еще довольно долго въ Россіи—пошелъ въ ходъ такой заморскій рецетъ, которымъ легко усыпить воображеніе русскаго обывателя. По поводу того пѣвца была пущена молва, что путешествованіе по океану, морской воздухъ, до того возстановилъ пошатнувшійся его голосъ, что по возвращеніи изъ Америки онъ сталъ пѣть куда лучше прежняго. И примѣръ сталъ весьма заразителенъ. Однако, чтобы морской воздухъ, превратилъ лирическіе голоса въ драматическіе, о такомъ чудѣ мы какъ-то до сихъ поръ не слышали. Первымъ открылъ его лирическій теноръ, артистъ Маринской сцены, г. Алчевскій. Пріѣхавъ недавно изъ Америки, и отряхнувъ пылъ со своихъ ногъ, онъ сказалъ себѣ: «отсель мы станемъ конкурировать съ русскими драматическими тенорами» и тотчасъ же довелъ до свѣдѣнія жителей Петрограда, что въ Большомъ Залѣ Консерваторіи, во вторникъ 12 февраля, онъ споетъ Рауля въ „Гугенотахъ“. Граждане Петрограда поспѣшли хотя въ очень небольшомъ количествѣ посмотреть это «чудо», но спектакль все-таки состоялся. Что же можно сказать о г. Алчевскомъ-Раулѣ? По моему это не пѣніе, а какое-то «престижничество», напompнающее знаменитое «хождение по проволокамъ». Сидишь и дрожишь за артиста, за каждую его ноту. Такое пѣніе весьма полезно для леченія нервныхъ людей. Кроме того, тембръ голоса этого артиста страшно горловой, а самъ звукъ до невозможности сдавленъ. Вообще встрѣчаются очень часто голоса съ такъ называемой, «иглой». Тембра нѣтъ, округленности, полноты звука—ни какой, а „игла“—это что-то рѣзкое и составляетъ весь металлъ голоса.

Къ этой категоріи я принадлежить голосъ г. Алчевскаго. Что толку въ томъ, что въ послѣднемъ актѣ въ знаменитомъ пассажѣ на словѣ „Ахъ“ онъ беретъ „дизъ“, такъ сказать in naturel. Этимъ можно удивить галерку, но оно ни на юту не искупаетъ отсутствіе кантилены и того пѣнія, которое всякій вправѣ требовать отъ артиста въ такой выигранной партіи, какъ партія Рауля. Какъ артистъ г. Алчевскій тоже ничего собою не представляетъ. Дальше установленнаго, опернаго шаблона не ушелъ. Кто былъ вопли на своемъ мѣстѣ, какъ въ вокальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніи—такъ это г-жа Бернадская. Голосъ съ большимъ діапазономъ, звукъ рѣдкой теплоты и пѣвучести. Поетъ г-жа Бернадская музыкально и съ воодушевленіемъ. Недурнымъ Марселемъ былъ г. Державинъ. Въ партіи Сень-Бри г. Софроновъ былъ куда лучше, чѣмъ предыдущій разъ въ партіи Греммина. Весьма посредственнымъ графомъ Неверочи оказался г. Шульгинъ. Звукъ—пустой и пѣніе неважное. Оркестромъ дирижировалъ г. Труффи вяло и безжизненно. Да и весь спектакль носилъ характеръ какой-то апатичности.

Причина—пустой залъ.

С. Генъ.

Театръ Литературно-Художественнаго Общества.

Молодой драматургъ К. Острожскій, дебютировавшій въ этомъ сезонѣ крайне слабой пьесой „Порядочные люди“, написалъ новую пьесу „Новое поколѣніе“. Въ повой пьесѣ авторъ сдѣлалъ шагъ впередъ и обнаружилъ нѣкоторые признаки драматическаго дарованія. Пьеса его довольно удачно построена, діалогъ легокъ и не лишень остроумія, смотрится она съ интересомъ, но не производитъ ровно никакого впечатлѣнія, ибо въ ней нѣтъ жизненной правды, въ ней нѣтъ того, что могло бы захватить зрителя, увлечь его и на нѣкоторое время оставить слѣдъ въ его душѣ. „Новое поколѣніе“ смотрится съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ читаются бульварные романы, и такъ же легко забываются. Новая пьеса рисуетъ жизнь замкнутой офицерской среды и обнаруживаетъ въ авторѣ слишкомъ поверхностное знакомство съ этой средой. Въ пьесѣ г. Острожскаго нѣкій генералъ проворовался, тратя безумныя деньги на свою молодую хорошенькую, но и подленькую жену. Благодаря этому воровству сынъ его долженъ оставить свой полкъ, происходитъ драка двухъ офицеровъ и дуэль, и въ концѣ концовъ вѣнчается добродѣтель: за сына проворовавшагося генерала выходитъ замужъ княжна, дочь полковаго командира, того полка, изъ котораго долженъ былъ уйти молодой Уральскій.

Исполнена пьеса очень хорошо. Молодого Уральского игралъ г. Глаголинъ и игралъ превосходно. Хорошъ былъ также г. Судьбининъ въ роли старика Уральского. Молодую генеральшу играла г-жа Рошкова и была лишь эффектной женщиной и только... Крайне безцвѣтна была г-жа Мирова—княжна. Хорошъ г. Блюменталь—Тамаринъ въ роли корнета Тверскаго. Ужасно шаржировалъ г. Кайсаровъ, игравшій барона Тратенгофа. Поставлена пьеса очень тщательно. Декораціи и обстановка удачны. Въ заключеніе г. Сладкопѣвцовъ безъ успѣха рассказывалъ новыя сценки. «Въ парикмахерской» и «Конечьюбилейнаго объѣда».

А. Б—нъ.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

Гастроль П. В. Самойлова.

„ПРИВИДѢНІЯ“.

Эта мрачная по своей правдивости семейная драма Ибсена производитъ потрясающее впечатлѣніе; мѣстами она захватываетъ до слезъ и заставляетъ содрогаться...

Роль Освальда игралъ г. Самойловъ просто и естественно—безъ всякихъ сценическихъ эффектовъ и подчеркиваній, но весьма сильно.

Освальдъ—молодой человѣкъ, но по закону «наслѣдственности» погибъ отъ самаго рожденія за «грѣхи» своего отца. Онъ полонъ жажды жизни, но сознание, что его организмъ источенъ «червями», что рано или поздно онъ обратится въ «живого мертвеца», вызываетъ сильныя мученія.

Г. Самойловъ передаетъ ихъ съ большимъ умѣньемъ.

Его Освальдъ весьма характеренъ. Съ первой

минуты своего появленія на сценѣ—это настоящій старикъ въ образѣ молодого человѣка.

Морщинистое лицо, потухшіе глаза, кривящійся ротъ, медлительность походки, даже случайно пробѣгающая молодая искра—улыбочка, на мигъ появляющаяся, но быстро исчезающая,—во всемъ чувствуется преждевременный старикъ.

Мертвый изнутри и уравновѣшенный извнѣ.

Невольно вспоминается г. Орленевъ, этотъ идеальный Освальдъ, съ которымъ нашъ гастролеръ имѣетъ много общаго.

Правда, у г. Орленева въ этой роли есть больше въ высшей степени интересныхъ психопатологическихъ моментовъ, полныхъ чисто клиническихъ подробностей, но и игра г. Самойлова не лишена ихъ.

Въ общемъ, наблюдая за жестами, движеніями и интонаціею голоса г. Самойлова, сразу видимъ, что имѣемъ дѣло съ талантливымъ и весьма опытнымъ артистомъ.

Успѣхъ его въ данномъ спектаклѣ надо признать большимъ: объ этомъ свидѣлствуютъ цвѣты, которыми забросали артиста и шумные аплодисменты, особенно раздававшіеся по окончаніи драмы.

Но этого еще мало. Образъ, созданный г. Самойловымъ, надолго не изгладится изъ памяти зрителей, а для артиста это самая лучшая награда.

Изъ остальныхъ исполнителей хорошо играла г-жа Любарская; роль Елены Альвингъ, женщины, глубоко страдающей за мужа и сына, передана ею съ рѣдкою неподдѣльностью. Что касается игры г-жи Юлшиной (Регина), г. Викторова (пасторъ) и г. Бецакаго (Энгстрандъ), то она во многомъ не удовлетворяла.

Въ матеріальномъ отношеніи спектакль вышелъ довольно удачнымъ: публики собралось много.

И. М—нъ.

МАЛОРОССЫ.

«Письма въ лыцяхъ», поставленная труппою Сулова,—растянутая на 3 акта малороссійская оперетта, скомпанованная изъ народныхъ мотивовъ.

Какъ и во всѣхъ почти малороссійскихъ опереткахъ, въ ней много пѣнія, масса движенія, и незамысловатое содержаніе.

Есть нѣсколько номеровъ (всего ихъ 70) дѣйствительно интересныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Они были удачно исполнены г-жею Миленко. У артистки недурной голосъ, нѣсколько необработанный, въ особености въ среднемъ регистрѣ, но въ общемъ, ея голосъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, г-жа Миленко кривитъ ротъ, что особенно замѣтно при высокихъ нотахъ. Помимо того, что это портитъ ея внѣшность, искривленный при пѣніи ротъ сдавливаетъ звукъ, и не даетъ ему должной полноты. Г-жѣ Миленко необходимо отвыкнуть отъ этого недостатка. Г-въ Манько (староста)—превосходный комикъ: роль свою онъ провелъ превосходно. Танцы (въ третьемъ дѣйствіи) поставлены хорошо, хотя во многомъ уступаютъ тому, что показывалъ г. Суловъ прошлые годы.

Въ заключеніи былъ поставленъ водевиль въ I дѣйствіи съ пѣніемъ «Кумъ-Мырошпыкъ».

И здѣсь г. Манько былъ превосходенъ. Типичный хохолъ, пѣсколько плутоватый, по добродушный и веселый. Г. Манько, надо ему отдать справедливость, — не старѣетъ: какимъ мы его помнимъ много лѣтъ назадъ въ Петербургѣ и въ провинціи, такой же онъ и понынѣ. Та же чуть не юношеская веселость, живость въ движеніяхъ. И голосъ по прежнему сохранился.

Малороссы г-на Суслова пользуются успѣхомъ у публики: театръ былъ почти полонъ.

На 2-ой недѣлѣ поста пойдетъ «Ревизоръ» Гоголя, на малороссійскомъ языкѣ, въ постановкѣ Н. Арбатова.

Е. Ранскій.

ВѢНСКАЯ ОПЕРЕТКА.

Поздняя новинка вѣнцевъ-оперетка Л. Ашера „Der Bettelgraff“ имѣла вполне заслуженный успѣхъ. Сюжетъ ея не сложенъ. Молодой польскій графъ Богумиль Каринскій прокутилъ все свое состояніе. На послѣдніе деньги онъ идетъ въ Нью-Йоркъ на балъ-маскарадъ въ костюмѣ нищаго, чтобы послѣ маскарада лишить себя жизни. Случайно онъ сталкивается съ шайкой нищихъ, которые принимаютъ его за своего брата и припимаютъ его въ свою среду. Онъ работаетъ вмѣстѣ съ Джесси, дочерью старосты нищихъ и по обычаю долженъ жениться на ней. Графъ однако любитъ другую дѣвушку Малону. Черезъ 1½ года Каринскій своимъ ремесломъ заработалъ приличную сумму

денегъ и женится на Малонѣ, бросая свой нищенскій промыселъ. Джесси однако изъ ревности распубликовала въ газетахъ исторію графа. Жена Каринскаго не можетъ прощать ему нищенствованія и расходится съ нимъ. Но въ концѣ концовъ все кончается къ общему благополучію. Графъ превратился въ электротехника и черезъ 6 лѣтъ случай сталкиваетъ его съ женой. Пропеходитъ трогательное примиреніе супруговъ. Музыка Ашера очень мелодична. Оперетка имѣла хорошій успѣхъ, чему не мало способствовала хорошая игра артистовъ. Очень мила была г-жа Виртъ въ роли Малоны. Г-жа Шрейтеръ — Джесси и Шпильманъ — графъ были вполне на мѣстѣ.

В.

Театральная хроника.

БОЛѢЗНЬ А. А. ПОТЪХИНА.

Все печали и печали... Неожиданно разбилъ параличъ престарѣлаго Алексѣя Антиповча Потѣхина, любимца петербургскихъ журналистовъ и литераторовъ.

Съ именемъ А. А. связана цѣлая полоса русской художественной жизни. Выступивъ на литературномъ поприщѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, Потѣхинъ сразу занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ русской литературѣ. Его называли «первымъ драматургомъ-народникомъ». И онъ точно любилъ народъ. «Народъ» и «народность» у него не сходили съ языка.

А. А. хорошо зналъ народную жизнь. Въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній—«Забавы и удовольствія въ городѣ»—онъ высказалъ яркій, мѣстами даже злой, юморъ, а главное объективность изложенія и языка. Но какъ чловѣкъ чуткій къ вопросамъ современности, Потѣхинъ въ первыхъ же произведеніяхъ ярко отразилъ все-то, что такъ по сердцу было наслѣдникамъ славянофиловъ, которые глубоко вѣрили въ святость народной жизни. Онъ вѣрилъ во всѣ догмы народничества. Въ его произведеніяхъ преобладаетъ тяготѣніе къ семейному началу, — тяготѣніе, къ слову сказать, столь безбездное сердцу славянофиловъ, въ качествѣ нравственного противовѣса отрицанію сороковыхъ годовъ. Если его герои терпятъ неудачи, то лишь потому, что стараются вырваться изъ подъ вліянія семьи. Матрена въ драмѣ Потѣхина «Судъ людской — не Божій» сдѣлала и себя и окружающихъ несчастными лишь потому, что не слѣдовала совѣтамъ отца-самодура. Михайло („Чужое добро“) сталъ негодяемъ отчасти потому, что вышелъ изъ отцовской власти. Анна Ивановна («Шуба овечья»), наоборотъ, нашла свое счастье потому, что не смотря на институтское образованіе, не порвала съ крестьянской семьей.

Лишнее преимущество Потѣхина передъ другими писателями того времени заключается въ томъ, что для пропаганды своихъ взглядовъ онъ избралъ сцену. Театръ въ то время являлся да-

леко на одной забавой, а своего рода кафедрой, съ которой общество хотѣло слышать отвѣты на запросы, задаваемые текущей жизнью. Потѣхинъ былъ первымъ драматургомъ, бравшимъ сюжеты изъ крестьянской жизни. Это и обезпечило ему тотъ громадный успѣхъ, который имѣли нѣкоторые его пьесы, какъ, напр., «Судъ людской».

Устарѣлъ не Потѣхинъ, не его языкъ и формы, не его знаніе народной жизни, а устарѣли самыя тенденціи народниковъ. Теперь мы больше интересуемся пролетаріемъ города. Герои горьковского „На днѣ“—вотъ наша злоба дня..

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЕРЪ. 120 ЛѢТЪ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ. 1788 22/II—1908 Г.

Артуръ Шопенгауеръ «аристократъ мысли» и «художникъ слова», родился въ Данцигѣ 1788 г. 22 февраля. Отецъ его былъ банкиръ, а мать Юганна Шопенгауеръ—извѣстная въ Германіи писательница. Философъ попеременно жилъ и во Франціи, и въ Италіи, и въ Германіи. Артура Шопенгауера нѣсколько разъ соблазняла мысль о жепитѣбѣ, и въ собственноручныхъ запискахъ сохранились слѣды его колебаній по поводу этого деликатнаго вопроса. Онъ записывалъ свои размышленія по-англійски на клочкахъ бумаги. Сообщенія эти, по словамъ его біографа Гувинера, такого рода, что невозможно породать читателямъ ихъ подлинный текстъ. «Бракъ—это западня, устроенная для насъ природой». «Бракъ—это долгъ, наживаемый въ молодости и выплачиваемый въ зрѣлые годы. Философу дорого его время. Чловѣкъ женатый несетъ на себѣ всю тяжесть существованія. Холостой лишь половину этой тяжести. Кто посвящаетъ себя музамъ—долженъ избрать послѣднее. Почтивсѣ философы, — пишетъ Арт. Шопенгауеръ—были холостые: Декартъ, Лейбницъ, Молсбраншъ, Каптъ и Спиноза. Всѣ великіе поэты были женаты и всѣ они были несчастливцы. Шекспиръ носилъ даже двойные рога». Капитальное сочиненіе Ар. Шопенгауера «Міръ, какъ воля и представле-

ніе», потерпѣло полное фіаско. Только въ концѣ своей жизни Шопенгауеръ видѣлъ (по изслѣдованію А. Фулье) пробужденіе удивленія къ его гениальности. Философъ въ молодости написалъ нѣсколько стихотвореній, но онъ въ предсловіи къ нимъ говоритъ, что „невозможно быть вмѣстѣ и поэтомъ и философомъ. Въ литературѣ печатаніе стиховъ—это то же, что въ обществѣ пѣніе какого либо лица. Но нужно созпаться, что подъ покровомъ метра и рифмы чловѣкъ осмѣливается свободно высказать свое субъективное внутреннее—„я“, чѣмъ въ прозѣ“. Въ стихахъ все болѣе личпо, чловѣчно, чѣмъ при философствованіи. Въ 1857 году написаны стихи «Сила притяженія»:

Остроты и мысли ты всѣмъ расточаешь,
Привлечь къ себѣ дружбу людей тѣмъ желаешь...

Ты дай повкуснѣй имъ поѣсть, да напитокъ:
Толпами къ тебѣ они будутъ стремиться.

Въ стихотвореніи „Финалъ“ Арт. Шопенгауеръ писалъ:

Усталый у конца пути стою,
Чело вѣнкомъ лавровымъ тяготится:
Но радостно на трудъ я свой смотрю,
Тѣмъ не смущенъ въ толпѣ, что говорится...

Философъ любилъ собакъ и часто говорилъ, что люди часто клеветуютъ на собакъ потому, что часто собака можетъ пристыдить чловѣка. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы на его могильной плитѣ было поставлено лишь имя и фамилія и отнюдь ничего болѣе, никакой даты, ни года, совершенно ничего, ни одного слова болѣе. Шопенгауеръ былъ ниже средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, стройный, съ огромной головой. Особенно поражали всѣхъ его блестящіе голубые глаза. По наружности его пазывали «среднюю между Бетховеномъ и Вольтеромъ». Черты лица болѣе напоминали Бетховена—у обоихъ была голландская кровь, но саркастическое выраженіе сближалось съ Вольтеромъ. Одѣвался Шопенгауеръ изящно, по модамъ начала столѣтія. Жилъ онъ просто, даже екупо. Здоровья былъ крѣпкаго, но постоянно боялся заразиться то оспой, то холерой.

Начинают выясняться лѣтнія антрепризы подѣ Петербургомъ: Ораніенбаумскій театръ будетъ попрежнему держать арт. Импер. театр. Л. Я. Никольскій; Стрѣльнинскій и Лиговскій держитъ П. М. Арнольди; Сергіевскій—тов. подѣ управл. Н. М. Михайлова; Гатчинскій—П. С. Яблочкина; Луга—А. И. Ограновичъ; Гунгербургъ (курортъ)—А. М. Анчаровъ.

— Пьеса «Холопы» дала Александринской сценѣ слишкомъ 25.000 р.

Блестящее исполненіе и великолѣпная обстановка все-же дѣлаютъ свое дѣло.

— Постомъ въ Екатеринбургскомъ театрѣ Н. Г. Сѣверскаго пойдетъ въ 1-й разъ новая комическая опера «Судь боговъ».

— Общедоступный концертъ хора В. В. Пѣвцовой привлекъ довольно много публики, той публики, которую всегда можно встрѣтить, гдѣ общедоступно.

Исполненіе хора было живо и даже нюансировано.

Успѣхъ имѣли хоры:

«Колядка» изъ «Кузнепа Вакулы» Н. О. Соловьева, (автору была устроена овація).— «Въ заревѣ огнистомъ» Гречанинова, «Господь твори добро народу», Гольтисона. Въ сольныхъ нумерахъ: г-жи Федорова (сопрано), Велецкая (меццо-сопрано) и г. Буссе (басъ). Аккомпанировала г-жа Кузьмина, какъ всегда, очень хорошо.

— Въ слб. окружномъ судѣ 18 февраля слушалось дѣло по обвиненію ходатаемъ по бракоразводнымъ дѣламъ Арцыбашевымъ редактора-изд. газ. «Петербургскій Листокъ» г. Скроботова въ клеветѣ, выразившейся въ томъ, что г. Скроботовъ въ одной изъ статей назвалъ Арцыбашева «темнымъ дѣльцомъ».

Въ виду появленія въ газ. «Рѣчь» письма В. В. Беренштама съ разоблаченіемъ нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ дѣятельности г. Арцыбашева, защитникъ г. Скроботова прис. пов. Зейлигеръ ходатайствовалъ о вызовѣ В. В. Беренштама въ качествѣ свидѣтеля.

Отказавъ защитнику въ этомъ ходатайствѣ, окр. судъ вынесъ подсудимому тѣмъ не менѣе оправдательный приговоръ.

— Состоялось годовое собраніе слб. литературнаго общества.

На этомъ же собраніи были произведены выборы предсѣдателя общества и членовъ совѣта. Въ предсѣдатели единогласно избранъ Н. Ф. Анненскій. Въ члены совѣта избраны: С. А. Венгоровъ, Д. М. Герценштейнъ, Ф. Ф. Фидлоръ, Богучарскій, О. Д. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, Н. А. Котляревскій, П. И. Вейнбергъ и проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Выборы членовъ ревизіонной комисіи отложены за позднимъ временемъ до слѣдующаго собранія.

— Вновь избранный предсѣдатель литературнаго фонда Николай Ивановичъ Карѣевъ будетъ принимать по дѣламъ фонда по воскресеньямъ, отъ 11—12 час. дня, и по четвергамъ отъ 1—2 дня (В. О., 10 линія, 9).

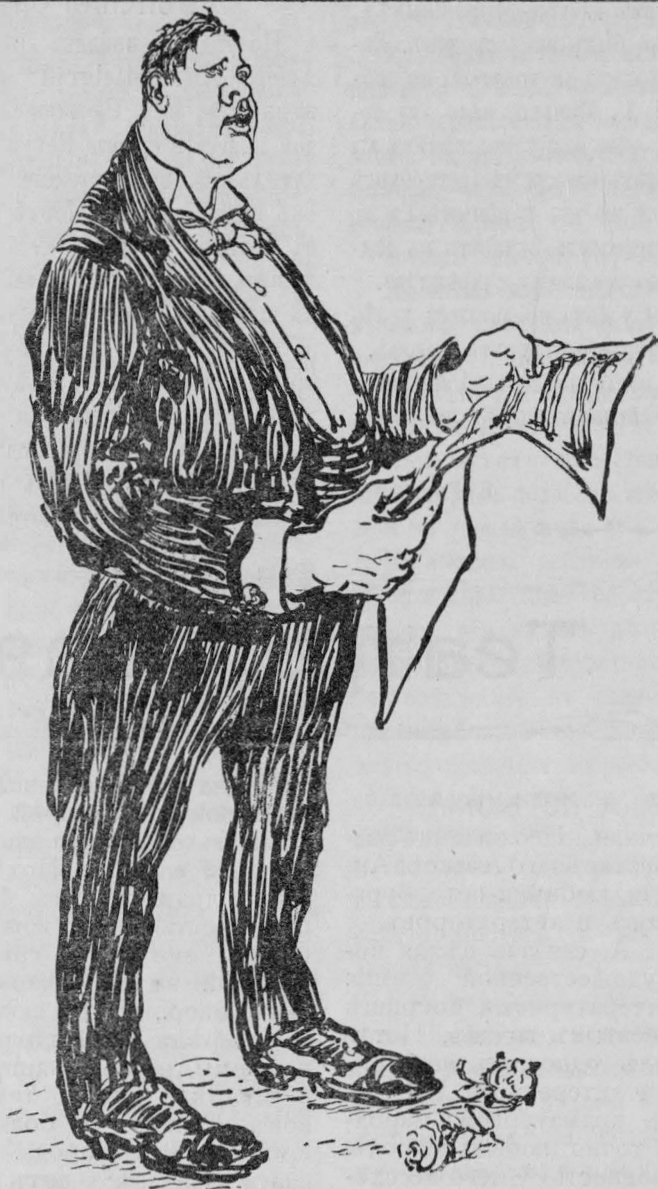

Рис. Н. Грабовскаго.

*Шалыпинъ ѣздилъ за границу,
Чтобъ лавры, злато пожинать,
Но бѣдный, онъ вернулся вспять
Въ родную русскую столицу.
Ахъ, нѣтъ, какъ кто тамъ не толкуетъ,
Но за границей очень дуется.*

** Айда, ребята, въ русскій станъ,
Ей ей надежный тамъ карманъ.
Назначимъ цѣны подороже
И будемъ выглядѣть построже,
Клянусь самъ чертъ не разберетъ,
Какой мы аховый народъ!*

— Александръ Рославлевъ, съ большимъ успѣхомъ читавшій свои произведенія «Въ башнѣ», «Младенцы» и мн. др. въ залѣ Павловой, 19-го февраля, въ пользу недостаточныхъ студентовъ, уроженцевъ гор. Николаева, приглашенъ читать въ Витебскъ, Вильну, Юрьевъ и Нарву.

— На второй недѣлѣ поста въ г. Нарвѣ состоится грандіозный благотворительный концертъ, съ участіемъ Александра Рославлева, Дмитрія Цензора, Ивана Рукавишникова, и др. Въ музыкальномъ отдѣленіи принимаетъ участіе артистка Риза Нордштремъ, и др. Рецеръ устраивается Е. А. Койранскимъ.

— Н. Д. Красовъ назначенъ управляющимъ московскаго бюро.

Можно надѣяться, что Н. Д. приложитъ на новомъ отвѣтственномъ передъ совѣстью посту все свое практическое знаніе, какъ актера, режиссера и антрепренера.

— Леонидъ Андреевъ приглашенъ редакторомъ въ издательство «Шиповникъ» замѣнить ушедшаго Бориса Зайцева. Говорятъ, что новый редакторъ поставилъ книгоиздательству условіе, чтобы оно прекратило печатаніе романа О. Сологуба „Нави Чары“. Волей поволей приходится согласиться въ надеждѣ, что имя Леонида Андреева подниметъ цѣнность изданія. Но скептики увѣряютъ, что книгоиздательству «Шиповникъ» угрожаетъ крахъ, такъ какъ публика довольно индифферентно относится къ выпуску альманаховъ, не доступныхъ пониманію массы. И многимъ писателямъ, оперившимся подъ крыломъ Максима Горькаго, придется, въ недалекомъ будущемъ пожалѣть, что они измѣнили книгоиздательству „Знанію“, дѣла котораго тоже сильно пошатнулись.

— Сегодня Императорское Русское Театральное Общество устраиваетъ въ Мариинскомъ театрѣ ежегодный маскарадъ. Организція маскарада поручена М. Г. Савиной. Маска-

радъ названъ „Folle Nuit“. Програма: Цыганскій концертъ «Вари Паниной», (въ роли московской цыганки выступить В. Н. Давыдовъ). Среди цыганъ хора Н. И. Шишкина выступаютъ: М. Г. Савина, В. В. Стрѣльская, В. И. Куза, М. А. Ведринская, М. Н. Домашова, Л. Н. Шувалова, Е. П. Ускова, А. А. Чижевская, А. М. Давыдовъ, Г. В. Тартаковъ, Н. Н. Ходотовъ и Ю. М. Юрьевъ. Цыганскую пляску „Шутишь-шутись“ исполнить М. Г. Савина и В. В. Стрѣльская подъ аккомпаниментъ гитаръ. „Цыганскія пѣсни“ исполнить В. И. Куза, М. Я. Пауре и А. М. Давыдовъ п Г. В. Тартаковъ. Выступитъ также „Айседора Дунканъ“ съ дунканятами (за г-жу Дунканъ будетъ танцевать Л. Г. Кякштъ, а за ученицъ К. А. Варламовъ и В. Н. Давыдовъ). Въ 1-й разъ — «Café-Concert въ Маринскомъ театрѣ». Шансонетки будутъ пѣть артистки Михайловскаго театра. квартетъ bébé (гг. Варламовъ, Ст. Яковлевъ, Лерскій и Петровскій), танецъ серпантинъ исполнять г-жи Карсавина и Кякштъ. Французская борьба-реваншъ между Абергомъ (В. Н. Давыдовымъ) и Циклопомъ (К. А. Варламовъ). «Воздушныя качели», «качаться» будутъ подъ пѣніе А. М. Давыдова: г-жи Павлова 2-я, Преображенская, Трефилова, Карсавина, Кякштъ, Шолларъ, Барашъ, Ведринская, Домашева и Ускова. Матчишь исполнить А. П. Павлова.

Двѣнадцатый семейно-художественный вечеръ привлекъ въ «Театральный клубъ» больше тысячи человекъ публики и прошелъ очень оживленно. Съ громаднымъ артистическимъ успѣхомъ выступила талантливая оперная пѣвица г-жа Марія Гай. Сильный, пріятнаго тембра голосъ артистки звучалъ превосходно въ художественномъ исполненіи «Nabucca» изъ «Карменъ». На шумные аплодисменты артистка съ темпераментомъ исполнила три прелестныя испанскія пѣсонки. Очень большой успѣхъ имѣлъ также талантливый г. Тартаковъ; спѣвшій три романса Чайковскаго и «Серенаду Донъ Жуана» Направника. Съ хорошимъ успѣхомъ играли артисты Михайловскаго театра г-жа Марія Дерваль и г. Молау въ пьескѣ «Le roi sous le cendre». Очень понравилась пианистка г-жа Вѣра Чернецкая, исполнившая «Баркароллу» Рубинштейна и «Лѣсной царь», Шуберта-Листа. Съ успѣхомъ выступали гг. Сладкопѣвцевъ (сценки), Кансавинъ (пѣніе), Ардовъ (пѣніе) и Каменскій (куплеты).

Въ субботу 9 февраля въ «Театральномъ клубѣ» состоялся литературно-художественный вечеръ. Наибольшій успѣхъ здѣсь имѣли г-жа М. М. Петина и г. Кшесинскій, съ темпераментомъ исполнившіе характерныя танцы и г. Лерскій, талантливо рассказывавшій комическія пьесы. Пѣли г-жа Таммъ, г. Клифусъ и др. артисты.

— Артистъ Александринскаго театра Н. Н. Ходотовъ, вмѣсто открытія «Современнаго театра» въ Петербургѣ, отправляется весной въ поѣздку по Волгѣ. Дѣло организуется на широкихъ началахъ на средства богатаго театрала, котораго интересуется чисто идейная сторона искусства. (Поѣздка съ цѣлью пропа-

ганды новыхъ пьесъ). Въ репертуаръ войдетъ много новинокъ, нигдѣ не шедшихъ въ этомъ сезонѣ. Между прочимъ предполагается къ постановкѣ пьесы: «Смерть» — Сергѣя Ценскаго и «Давидъ» Шелома-Аша. Труппа преимущественно будетъ состоять изъ артистовъ Императорскихъ театровъ, а также намѣрепы пригласить артиста Московскаго Художественнаго театра, Уралова, и выздоравливающую А. К. Янушеву. Первые пять спектаклей состоятся въ Твери, гдѣ сборы гарантированы въ размѣрѣ 2¹/₂ тысячъ. Затѣмъ труппа начнетъ гастроли по Волгѣ и продолжитъ ихъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ.

— Спектакль подъ режиссерствомъ артиста П. О. Астрова (изъ товарищества А. А. Санина) собралъ многочисленную публику. Пьеса «На жизненномъ пиру» прошла съ большимъ успѣхомъ, благодаря тщательной репетици и безусловному знанію ролей. Обыкновенно, когда въ спектаклѣ большинство участвующихъ любителей, то на сценѣ происходитъ что-то невозможное: краснѣютъ зрители и даже стѣны. Этотъ спектакль наоборотъ доставлялъ аудиторіи большое удовольствіе. Изъ исполнителей довольно трудныхъ ролей отмѣтимъ г-на Астрова (Хотневъ). Артистъ игралъ съ большимъ подъемомъ, искренно и такъ правдиво и жизненно, что на глазахъ у многихъ изъ публики даже были видны слезы.

— Г-жа Рогова, въ роли Нелли, доставила намъ большое удовольствіе. Это несомнѣнно талантливая любительница, она видно много поработала надъ ролью: были очень интересныя нюансы и настоящій драматизмъ.

Хорошъ былъ г. Марго въ роли Сидорки Горемыкина, г-жа Димчинская I — великолѣпная старушка Карповна. Понравился намъ г. Инсаровъ въ роли Барона. Г. Ильинъ провѣлъ хорошо сцену 3 акта съ Хотневымъ, остальные сцены были слабѣе. Г-жа Грабъская (Баронесса) играла очень недурно. Остальные участвующіе способствовали общему ансамблю. «Горячія письма» — прошли гладко — выдѣлилась г-жа Ещипская.

Газета «Свободныя мысли» занялась перепечаткой авторовъ, имена которыхъ она помѣщаетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Въ послѣднемъ номерѣ, напри- мѣръ, помѣщенъ фельетонъ Леонида Андреева, напечатанный въ 1901 г. въ московской газетѣ „Курьеръ“. Семь лѣтъ тому назадъ «Курьеръ» помѣстилъ этотъ фельетонъ подъ псевдонимомъ Джемсъ Линчъ. Мало того, мы можемъ напомнить «Свободнымъ Мыслямъ», что фельетонъ этотъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ: «Подъ впечатлѣніемъ Художественнаго театра. Джемсъ Линчъ и Сергѣй Глаголь».

Мы далеки отъ того, чтобы допустить мысль, что Леонидъ Андреевъ ввелъ въ заблужденіе газету «Свободныя Мысли», и вполне увѣрены, что понедѣльничная газетка просто-на-просто «содрала» старенькій фельетончикъ и выдала его кругу своихъ немногочисленныхъ читателей за послѣднее произведеніе Леонида Андреева. Какъ называется подобный поступокъ на языкѣ уважающихъ себя изданий, — предоставляемъ рѣшить Леониду

Андрееву и тѣмъ, кто еще продолжаетъ писать въ «Свободныхъ Мысляхъ». Что же касается издателя «Свободной отъ мыслей газеты»*, то ловкость рукъ его истинно изумительна.

На Великій постъ въ Самару уѣзжаетъ опереточная труппа подъ управленіемъ г. Кошевскаго. Какъ сообщается въ анонсахъ, труппа составлена изъ артистовъ петербургскихъ театровъ; въ составъ ея вошли:

Г-жи: Бауеръ, Марченко-Топни, Лучезарская, Забѣлло, Варламова, а на гастроли приглашена артистка г-жа Рацова.

Мужской персонажъ состоитъ изъ слѣдующихъ артистовъ: Г. Г. Кошевскій, Любовь, Гальбиновъ, Баратовъ, Миравъ, Ленскій, Сашинъ, Свирскій, Шухмипп (режиссеръ).

Репертуаръ намѣченъ изъ новыхъ опереттъ, имѣющихъ большой успѣхъ въ Петербургѣ. Главнѣйшій режиссеръ г. Кошевскій, главнѣйшій капельмейстеръ г. Топни.

— «Благородное Собраніе». Въ субботу, 16-го февраля, полнымъ ансамблемъ театра «Буффъ» дана была здѣсь «Веселая вдова».

Всѣ артисты повидимому были въ особенномъ ударѣ и оперетта прошла отлично.

По прежнему были хороши г-жа Шувалова, г. Михайловъ, Коржевскій и г. Гальбиновъ, пѣвшій въ этотъ вечеръ Росильона и биссировавшій «Пѣснь о Качеляхъ». Г. Гальбиновъ обладаетъ симпатичнымъ баритономъ.

— Въ брошюрѣ Большакова «Ложная защита православія» и «Черныя вороны» излагаются мысли о театрѣ въ такомъ видѣ:

«Театральныя подмостки—современныя идольскія капища, запрещенныя церковью Христовой».

«Театръ преисполненъ разврата, насаждаемаго слугами дьявола—этого исконнаго врага рода человеческого».

«Театръ—„непотребное зрѣлище“, это—древній идолъ, тотъ золотой телецъ, о которомъ упоминается въ священномъ писаніи». Но „идоловъ нужно уничтожать, стереть до основанія“ и т. п.

— Артистъ художественнаго театра г. Ураловъ подписалъ контрактъ въ труппу Александринскаго театра.

— Вышла книжка Н. Н. Брешко-Брешковскаго: «Въ мірѣ атлетовъ». Книжка написана чисто «брешко-брешковскимъ» языкомъ и прочтется (Лурихомъ и иными) съ интересомъ.

Отъ ред. Нѣкто М. Альбинъ, явившійся въ редакцію, принесъ рукопись разсказа «Вальсъ изъ Онѣгина», которую предложилъ намъ напечатать съ платою по 3 коп. за печатную строку. Условія г. Альбина были приняты редакціей, которая и напечатала его разсказъ, выплативъ М. Альбину условленный гонораръ. Явившійся вторично въ редакцію, г. Альбинъ развязно и въ грубой формѣ выразилъ протестъ по поводу того, что „подъ его разсказомъ не напечатано его фамиліи“, и при этомъ угрожалъ редакціи возбудить судебное преслѣдованіе за „контрафакцію“. Очевидно, г. Альбинъ не отдаетъ себѣ ясного отчета въ томъ, что такое „контрафакція“. Если же подписалъ его подъ разсказомъ представляетъ для него такую важность, или благодаря этой подписи онъ думаетъ создать себѣ „имя“ (?—Альбинъ?) и обезсмертить себя, то охотно рады служить ему въ этомъ отношеніи и заявляемъ, что „Вальсъ изъ Онѣгина“ дѣйствительно принадлежитъ перу известнаго (родственниковъ, друзей и знакомыхъ) „литератора“, М. Альбина.

Г. Картожинскій (онъ-же Оскаръ Норвежскій), по рѣшенію редакціоннаго комитета журнала «Сцена и Жизнь», состоявшагося 15-го февраля с. г., исключенъ изъ состава сотрудниковъ.

*) Слова г. Плеханова.

Мариуполь. Въ мѣстномъ театрѣ, который арендуется городомъ у владѣльца его Уварова и сданъ избранной думской театральной комиссіей на зимній сезонъ 1907—08 года, провинціальному артисту Я. В. Лихтеру, при условіи уплаты имъ за сезонъ городу 1000 рублей (въ минувшіе два зимніе сезона съ г. Лихтера мѣстное гор. самоуправленіе никакой платы за пользованіе театромъ не взимало); артистъ русской драматической труппы г. Лихтера—П. В. Кремлевъ пользуясь своимъ бенефисомъ, въ который была поставлена драма «Маскарадъ» Лермонтова, праздновалъ двадцати-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности; ксати отмѣтимъ слѣдующій небезъинтересный фактъ, что на мариупольской сценѣ артисты въ очень рѣдкихъ случаяхъ празднуютъ свои юбилеи, видимо они не увѣрены въ томъ, что мѣстная публика «оцѣнитъ» ихъ долготѣнную сценическую дѣятельность. Привѣтствіе отъ имени товарищей почтенному юбиляру П. В. Кремлеву произнесъ артистъ г. Ардатовъ.

Приазовецъ.

Курскъ. Въ труппѣ И. В. Погуляева начались бенефисы. Артистка г. Даль-Туманова ставила въ свои именины «Эросъ и Психея». Первый комикъ труппы, онъ-же и режиссеръ г. Бояровъ, поставилъ для бенефиса «Альпійскихъ орловъ». Изъ другихъ пьесъ, шедшихъ за послѣднее время необходимо отмѣтить: «Вѣрь Израиль», («Смѣйся солнце»), «Пожаръ Москвы въ 1812 году», «Марья Ивановна», «Амуръ и Компанія» (несмотря на рекламу, театръ пустовалъ), «Принцесса Греза», и «Честный человѣкъ»—комедія Г. Лемана.

За уходомъ изъ труппы г-жи Ковалевской, составъ ея еще болѣе поблѣднѣлъ и г. Погуляеву пришлось пригласить къ себѣ любителей. Дѣла отъ этого еще болѣе ухудшились и собрать полный зрительный залъ стало для г. Погуляева совершенно невозможной задачей.

Девятаго февраля мѣстные любители драматическаго искусства ставили спектакль, чистый сборъ съ котораго (около двухсотъ рублей) поступилъ въ пользу больного артиста г. Кремнева, ранѣе служившаго у г. Погуляева, а теперь находящагося въ больницѣ. Г. Кремневъ сломалъ себѣ ногу *при исполненіи служебныхъ обязанностей*, то-есть во время спектакля. Однако г. Погуляевъ никакъ не помогъ своему артисту. Помощь—какъ видите оказали гг. любители. Г. Кремневъ возбуждаетъ къ г. Погуляеву искъ за причиненіе увѣчья.

Сообщаю какъ достовѣрный фактъ, что группа курянъ рѣшила бойкотировать театръ Погуляева. Причина—нечеловѣческое обращеніе Погуляева какъ съ артистами, такъ и съ прислугой. Группа «недовольныхъ» ведетъ солидную агитацію и количество бойкотирующихъ все болѣе и болѣе возрастаетъ...

И. Татьянинъ

Юрьевъ. (лифляндскій). Маленькій Юрьевъ положительно наводненъ гастролерами, не считая мѣстныхъ любителей. Каждый день, если не спектакль, то концертъ и, ясное дѣло, публики не хватаетъ для всѣхъ предпріятій.

Любители, вѣрнѣе губители, ставили драму Шпажинскаго «Въ старые годы». Исполненіе было далеко отъ искусства. «Артисты» выказали полную неспособность и неподготовленность исполнить взятыя на себя роли. Пьеса поставлена шаблонно и неаккуратно. Но любители повидимому не унываютъ и по слухамъ собираются ставить Чеховскаго «Иванова».... О tempora!...

Пріѣзжалъ къ намъ и Гайдубуровъ съ «Отвергнутымъ Донъ-Жуаномъ» Рафаловича. Обыкновенно, если пьеса сама по себѣ ничего дать не можетъ, ставятъ ее для актеровъ, умѣющихъ своей крупной индивидуальностью захватить зрителя. Но зачѣмъ ставилъ «Отвергнутаго Донъ-Жуана» Гайдубуровъ, такъ и осталось для меня невыясненнымъ. Не хотѣлось бы думать, что для денегъ! Донъ-Жуанъ (Тарировъ) мало даровитый актеръ; мы слышали его крикъ, видѣли частое перебрасываніе плаща и позу, напоминающую «Демона увлекающаго Тамару»....., но образъ Донъ-Жуана, преслѣдуемаго неудачей и все же остающагося вѣрнымъ своему культу любви, за всѣмъ этимъ не вырисовывается. Г-жа Скарская довольно неудачная копія своей талантливой сестры. Въ роли сестры Терезы все время чувствовалось вольное или невольное заимствованіе изъ сестры Беатриссы. Поставлена пьеса Гайдубуровымъ старательно. Повидимому лавры Мейерхольда не даютъ ему покоя. Декораціи, особенно въ первомъ актѣ, представляютъ полную условность.

13 февраля артистами труппы Рижскаго Народнаго Дома представлены были «Евреи» Чирикова. Пьеса разыграна скверно. Артисты не проявили ни талантовъ, ни, хотя бы, просто серьезнаго отношенія къ дѣлу; играли подъ суфлера. Отношеніе къ искусству, достойное любителей, а никакъ не профессиональныхъ актеровъ. Изъ исполнителей выдѣлился г. Гриничъ (Нахманъ), въ немъ виденъ добросовѣстный работникъ. Пьеса имѣла успѣхъ. Послѣдняя сцена погрома вызвала истерики.

В. Н.

Екатеринодаръ. Лѣтній театръ сданъ антрепренеру Н. И. Соболюшкинову-Самарину на тѣхъ же условіяхъ. Продолжительность антрепризы солиднаго театрального предпринимателя, поставившаго на должную высоту нашъ театръ, послѣ того какъ его уронилъ бывший антрепренеръ, г. Крыловъ,—явленіе незаурядное. Ждемъ труппу съ нетерпѣніемъ, такъ какъ зимой у насъ нѣтъ театра и публики, кромѣ клубныхъ любителей, играющихъ прескверно.

Тамбовъ. На сценѣ мѣстнаго театра съ открытія его, 26-го сентября прошлаго года, до сихъ поръ дирекціей дано около 120 спектаклей. Репертуаръ не отличался особенной новизной и захватывающимъ интересомъ, за то пестрѣлъ достаточнымъ разнообразіемъ. Вниманіемъ публики пользовались пьесы: «Дѣти Солнца», «Хаосъ», «Волна», «Недрузи», «Отмѣтка въ поведеніи», «Марья Ивановна», и нѣкоторыя изъ старыхъ «заслуженныхъ», какъ напр.: «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Теодоръ», «Разбойники», «Вильгельмъ Телль», «Орленокъ», «Гамлетъ», «Горе отъ ума», «Цѣпи», «Нищіе духомъ» и т. под. Что-же касается, такъ называемыхъ, боевыхъ, какъ «Пробужденіе весны» и «Жизнь Человѣка», то большая часть здѣшней публики, явившейся съ особеннымъ любопытствомъ въ эти вечера, осталась неудовлетворенною. Эти произведенія вызвали много споровъ.

Что-же касается артистовъ, то успѣхомъ пользуются: Г.г. Муравлевъ-Свирскій—(онъ-же главный режиссеръ), Арматовъ Ризъ, Реммеръ и Ткачевъ; Г-жи: Арди-Свѣтлова, Кодионецъ, Алексѣева 1-я и Петровская. Затѣмъ выдѣляются г.г. Смагинъ, Чарскій, Владиміровъ и Женинь-Райскій (онъ-же администраторъ театра); Г-жи Волконская и Алексѣева 2-я.

Г. М. Свирскій (режиссеръ) артистъ опытный и положительно хорошъ и въ драмѣ, и въ комедіи.

Остальные еще молоды, но подаютъ надежды.

Г. Арматовъ-Ризъ—серьезный артистъ.

Г. Ткачевъ,—способный и даетъ вѣрный типъ, но нѣсколько слащавъ.

Обратилъ вниманіе публики и г. Реммеръ, выразительной мимикой и техникой; но иногда злоупотребляетъ гриммомъ.

Г. Чарскій—недурной комикъ.

Полезный артистъ г. Смагинъ.

Г. Владиміровъ—удачно изображаетъ преимущественно бытовые типы.

Г. Райскій—типичный комикъ.

Г-жа Арди-Свѣтлова—обладаетъ своеобразнымъ драматическимъ талантомъ. Она завоевала расположеніе публики, особенно учащейся молодежи.

Г-жа Кодионецъ—изящная *ingenue dramatique*.

Общей симпатіей пользуется г-жа Алексѣева 1-я.

Сборы недурны. Дирекція г-жи Ризъ уже возобновила арендный контрактъ театра на будущій зимній сезонъ.

А. П.

Рига. Антрепренеръ Незлобинъ снялъ на лѣто Минеральныя Воды, гдѣ до сихъ поръ антрепренерствовалъ артистъ Императорскихъ театровъ, С. В. Брагинъ.

МАЛАЯ СЦЕНА.

КАФЕШАНТАННЫЕ СИЛУЭТЫ.

ПОЪЗДКА.

Тройка лихо подкатила ко входу кафешантана, звякнула бубенцами и остановилась. Изъ подъезда обитаго легкой полосатой тканью выскочилъ швейцаръ и ловко откинулъ медвѣжью полость тройки. Ямщикъ лѣнливо повернулъ къ нему лицо и спросилъ:

«Скоро?».

— Одѣваются, — отвѣтилъ швейцаръ и рукавомъ сталъ смахивать съ сидѣнія саней палѣвшія пушинки снѣга. Морозная, но тихая ночь была удивительно хороша. На темномъ небѣ блеснули яркія звѣздочки. Чувствовался морозъ, но онъ не причинялъ болѣзненного ощущенія. Наоборотъ, дышалось бодрѣе и легче, чѣмъ въ теплую промозглую, петербургскую ночь. Хотѣлось куда нибудь умчаться на просторъ, за городъ, гдѣ пустынно и страшно... Хотѣлось быстрой ѣзды, когда рвущійся на встрѣчу вѣторъ духъ занимаетъ, рѣжетъ и шиплетъ щеки, и заставляетъ замирать сердце.

Наташа Соколова лучшая хористка кафешантана, молоденькая, еще не испорченная дѣвочка, первой выбѣжала изъ дверей кафешантана и прыгнула въ сани. Ей было весело и она громко безпричинно смѣялась: все казалось такимъ хорошимъ, добрымъ, веселымъ... И эта предстоящая поѣздка за городъ, и этотъ пьяненькій купчикъ, который все время объяснялся ей въ любви и цѣловалъ ее въ ладонь мягкими, пушистыми губами. И этотъ швейцаръ, толстый, солидный, съ бакенбардами, тоже добрый, хороший и такъ ласково смотритъ и улыбается на нее, Наташу Соколову.

Она чувствуетъ, что швейцару приятно смотреть, какъ она по дѣтски глупо «бухнула» въ сани и сама себя такъ звонко, искренно смѣется... И все Наташѣ кажется смѣшнымъ и хорошимъ.

Изъ дверей кафешантана, солидно давая направо и налево па чай, выходилъ молодецкій купчикъ, толстый, съ круглымъ лицомъ и свѣтлой рѣдкой растительностью. Онъ запахивался въ широкую шубу-доху и отдавалъ приказанія насчетъ второй тройки и извозчиковъ, на которыхъ должны были ѣхать остальные приглашенные, — его товарищи и хористки. Когда все уѣли въ сани, швейцаръ посадилъ его въ тройку къ Наташѣ, заботливо застегнулъ медвѣжью полость, и подъ гулъ голововъ тронулись. Звякнули бубенцы и лихіе кони, сдерживаемые ямщикомъ, легко подняли и мелкой рысцою понесли широкія сани, гдѣ близко другъ къ другу сидѣли Наташа и купчикъ.

Пустынные улицы пробѣгали мимо нихъ, тускло горѣли фиолетовыми огоньками фонари, снѣгъ подъ полозьями рѣзко повизгивалъ. Въ этотъ поздній часъ на улицахъ не было ни души. Деревянные домики Петербургской стороны уди-

вленно смотрѣли своими слѣпными глазами на эту вереницу людей, которые съ громкимъ смѣхомъ куда-то стремились, чего-то ждали, на что-то надѣялись и смѣялись такимъ громкимъ, дѣланнымъ смѣхомъ, отъ котораго становилось не веселѣе, а жутче. Купчикъ близко наклонился къ Наташѣ и шепталъ ей ласковыя слова, о чемъ-то спрашивалъ, въ чемъ Наташа не отдавала себя яснаго отчета. Она кивала своей хорошенькой русой головкой и, не слушая его, думала о томъ, какъ хорошо и радостно ей живется. Пужды больше нѣтъ, нѣтъ заботы о завтрашнемъ днѣ, мать ея, кухарка меблированныхъ комнатъ, отпустила ее жить одну и даже помогла ей устроиться въ ея маленькой, уютной комнаткѣ... И что больше всего наполняло ея сердце радостью, что заставляло его расширяться и радостно трепетать — это ея «тайна», — ея любовь къ «нему», — тому студенту, который такъ часто встрѣчается съ ней по вечерамъ на улицѣ, когда она спѣшитъ въ кафешантанъ, и при этомъ такъ глубоко и нѣжно смотритъ ей въ глаза... Какой онъ милый, хороший, никогда не заговаривалъ съ ней на улицѣ и даже не предлагалъ «проводить»... «Видно, застѣпчивый», думаетъ Наташа и ей страстно, безумно хочется снова встрѣтить его, познакомиться, заговорить... «Милый, милый»... Ея размышленія прерываетъ соездъ:

«Наташа, что-жъ ты все молчишь?»

Она удивленно смотритъ на купчика и первый моментъ не узнаетъ даже его... Потомъ заливаясь дѣтски-беззаботнымъ смѣхомъ:

«А я... задремала»...

Купчикъ смѣется во всю глотку. Потомъ встаетъ въ саняхъ и, обернувшись назадъ, къ остальнымъ, откуда несетъ смѣхъ и взвизгиванія, кричить:

«Эй, вы, фараоново племя, чего притихли... Пѣсню»...

Сзади, на тройкахъ, подхватываютъ:

«Ганя... Ганька... запѣвай!»...

Смуглая цыганка Ганя, выпрямляется, поводитъ плечами и въ тихій морозный воздухъ врываются смѣлые звуки:

„Мчитса тройка... Снѣгъ пушистый,
Ночь морозная тиха...
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый“...

Все притихли, вслушиваются. Легко, бодро поетъ Ганя. Скрипятъ полозья и тихо позвякиваютъ бубенцы.

«Другую, веселѣе, — кричитъ купчикъ, — жива-а-а».

Ганю смѣняетъ Стеша, другая цыганка, еще смуглѣе, еще задорнѣе.

„Эй жива а-а, жива-а а,
Па-а-а-а-а-а-а бутылку пива...
Бут-тыдка бравинтасса“...

Отъ бессмысленныхъ словъ становится еще веселѣе. Поютъ уже все сани, и любятъ

своими звуками, дерзко прогоняющими морозную тишину:

„Эй, жива-а, жива-а-а“

«Какъ весело, Боже, какъ весело» — смѣется Наташа, и думаетъ о томъ, какъ жаль, что нѣтъ «его» здѣсь... «Милый мой, хороший»... Мысли ея снова далеко...

Купчикъ наклоняется къ ней и цѣлуетъ въ щеку; мягко, сочно, мокрыми губами оставляя на щекѣ круглый слѣдъ. Отъ него пахнетъ перегорѣвшимъ спиртомъ и Наташа брезгливо отворачивается.

„Голубка моя“... — говоритъ онъ и обнимаетъ ее за талию. Наташа быстро отодвигается въ уголъ: „Оставь, не надо трогать“...

Ей сразу сталъ противенъ этотъ пьяный купчикъ, и вся пьяная компанія и пьяная пѣсня, и эта тройка...

„Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь“... тихо сжимаетъ сердце Наташи. Глаза застилаютъ неожиданныя слезы... „Оставь“... и она отбрасываетъ руки купчика, изъ глазъ льются горькія слезы... „Боже, какъ все противно“...

„Хочу домой“... — говоритъ она купчику, — „Стой, ямщикъ“... и отетопнувъ полость выскакиваетъ изъ саней, по неудержавшись, падаетъ въ снѣгъ. Слезы еще сильнѣе бѣгутъ изъ глазъ, вырываются рыданія, не то отъ боли, не то отъ обиды на кого-то... На кого? — она сама не знаетъ.

Ее окружаютъ, усаживаютъ въ сани, уговариваютъ, по она твердитъ все одно и то же: „Домой, домой, домой“...

Тройки поворачиваютъ назадъ. Все педовольны; поѣздка разстроилась.

„Раскапризничалась“, — рѣшаютъ подруги.

Евгеній Койранскій.

„КЪМЪ ПОПОЛНЯЮТСЯ ХОРЫ“.

Изъ кафешантана обыкновенно ѣдутъ за городъ. Кутящая компанія никогда почти не закончить кутежа въ 3—4 часа ночи, когда закрывается кафешантанъ; — это для кутилъ «дѣтское время», — и доканчивать кутежъ ѣдутъ за городъ. Въ Петербургѣ существуютъ спеціальныя уголки, гдѣ въ любое время (только не дня, а ночи) можно получить всевозможныя напитки, гдѣ кухня и поваръ всегда къ вашимъ услугамъ, и, въ довершеніе всего, гдѣ вы можете... найти пріятельницъ для вашего времяпровожденія. Однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ является «Hotel» близъ Каменноостровскаго, на берегу тухлой рѣченки, носящей далеко не поэтическое названіе. Двери этого «Hotel'я», помѣщающагося въ небольшомъ кирпичнаго цвѣта особнячкѣ, настежь открыты для всѣхъ, кто знаетъ, или вѣрнѣе, не знаетъ цѣны денежныхъ знаковъ. Существуютъ «тайны», которыя доступны только тѣмъ изъ

петербуржцевъ, кто здѣсь «знакомъ», кто успѣлъ здѣсь прокутить крупную сумму денегъ, на чью скромность въ отношеніи молчанія здѣсь надѣются. Словомъ, для «своихъ» — здѣсь «рай Магомета». И это творится неподалеку отъ центра города, почти на глазахъ блюстителей порядка, съ вѣдома многихъ, очень и очень многихъ «компетентныхъ лицъ». Наша цѣль — не разоблаченія, мы не беремъ на себя непосильную задачу, — но мы хотимъ открыто говорить о тѣхъ язвахъ, которыя разѣдаютъ общественный организмъ, и которыя являются позоромъ человѣчества. Мы говоримъ о малолѣтнихъ проституткахъ.

I.

Загляните когда нибудь въ кафешантанъ. Васъ поразитъ хоръ изъ дѣвочекъ 14—16 лѣтъ. Ихъ восемь — или десять человѣкъ и всѣ онѣ, какъ на подборъ, одна другой моложе, одна другой нѣжнѣе, хрупче, беззащитнѣе. Жалко смотреть на этихъ дѣтей, одѣтыхъ въ венгерскіе костюмчики, танцующихъ и поющихъ предъ толпою зрителей, которые плотоядно смотрятъ на эти недоразвившіяся фигурки.

Спросите ихъ «хозяйку», г-жу Марго, откуда она набрала эту «труппу»? Если вы «свой» человѣкъ, вы тотчасъ же услышите отвѣтъ: «Отъ Софьи Львовны». Вамъ не знакомо это имя, а между тѣмъ его знаетъ весь «веселящийся Петербургъ».

Теперь «Подзовемъ-ка, да разспросимъ», ту «хористку» тринадцати лѣтъ, которую вы только что восхищались изъ толпы зрителей. «Вы давно уже служите въ кафешантанѣ?»

— Скоро годъ.

А раньше, гдѣ вы служили?

Если вы наблюдательны, то сразу замѣтите, какъ по лицу этого ребенка (уже въ полномъ смыслѣ женщины: я могу привести фактъ, когда у такого ребенка, которому только-только исполнилось 15 лѣтъ, было уже двое дѣтей!), по лицу ея пробѣжитъ легкая тѣнь: она отвѣтитъ вамъ не сразу, но если вы внушаете довѣріе, она скажетъ: «у Софьи Львовны».

Всѣ онѣ, до поступленія въ кафешантанъ «служили» у Софьи Львовны. Всѣхъ ихъ Софья Львовна вывела «въ люди», въ судьбѣ каждой изъ нихъ она сыграла колоссальную роль, всѣмъ имъ Софья Львовна дала кусокъ хлѣба, устроила.. «Благодѣтельница!»

II.

Что-же такое представляетъ собою Софья Львовна?

Въ знаменитомъ «Hotel'ѣ» служитъ пожилая піанистка, которая за пятерку съиграетъ вамъ на піанино, если вы, сидя въ «кабинетѣ», желаете послушать музыку, или проаккомпанируетъ хору, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ Вами изъ кафешантана.

Пожилая піанистка, невысокаго роста, съ интеллигентнымъ лицомъ...

Съиграетъ, получитъ деньги и скромно, съ сознаниемъ честно заработанныхъ денегъ, удалится. Но когда вы наклонитесь къ уху Софьи Львовны и спросите ее, нельзя ли пригласить «ея хоръ», Софья Львовна преображается. На ея лицѣ скромная улыбочка, глаза опущены внизъ и тоненькія губки складываются бантикомъ.

«Онѣ уже спятъ, мои дѣтки... придется ихъ будить»...

За 25 рублей Софья Львовна разбудитъ «свой хоръ».

Пройдетъ полчаса, пока «онѣ» придутъ.

Но вотъ стукъ въ двери.

«Войдите».

Вы глазамъ своимъ не вѣрите... Что это такое?

Подростки 9—12 лѣтъ, не больше... совсѣмъ дѣти! Но не подавайте виду, что вы поражены.

Иначе, вы не увидите самага «интереснаго».

Дѣвочки уходятъ въ сосѣднюю комнату. Софья Львовна садится къ піанино, и подъ звуки «кэквока» или матчиша выходятъ эти несчастныя дѣти, совершенно голенькія, такія, какими ихъ Богъ создалъ...

Онѣ танцуютъ...

И, если вы такое же животное, какъ и Софья Львовна, — можете вдосталь любоваться ими.

Вотъ онѣ предъ Вами, какъ на ладони...

Десятокъ хрупкихъ тѣлецъ, испорченныхъ и душою и тѣломъ, будущихъ «акулъ» кафешантана, пропитанныхъ насквозь разлагающей его атмосферой.

Онѣ танцуютъ, и когда кончатъ, съ самыми наивными лицами, такія же голенькія какъ и раньше, усядутся вамъ на колѣни и будутъ пить... все, что вы имъ предложите.

Кофе, ликеръ, шампанское, коньякъ, водку, пиво, — все. И напиваются до-пьяна.

Софья Львовна тутъ-же: о, она зорко слѣдитъ за нравственностью «своего хора».

Вѣдная, Софья Львовна! Въ наше время всѣ «дѣвицы» такія испорченныя: вѣдь, вотъ, ужъ она-ли не слѣдитъ за «своими», а онѣ всѣ ухитряются провести ее, эту «бѣдную» Софью Львовну!

Паденіе совершается за паденіемъ, а Софья Львовна, которую эти негодныя дѣвченки не слушаютъ, прячетъ куда-нибудь въ чулокъ иногда по нѣсколько сотъ рублей сразу за одинъ вечеръ (ночь?).

Вѣдная, Софья Львовна! Когда дѣвочкѣ исполняется 14—15 лѣтъ — она уже перестарокъ и ее сбываютъ въ кафешантанъ, въ хоръ.

И она «служитъ» у г-жи Марго.

АПОЛЛО.

Программа концертныхъ отдѣленій составлена интересно. На первое мѣсто поставимъ m-selle Нелли, прекрасно исполненіи «Hollas ej» и разнохарактерные танцы. M-selle Нелли пользуется симпатіями публики, она служитъ украшеніемъ программы и было-бы весьма желательно, чтобы этотъ № программы сохранился и на будущій сезонъ. M-selle Антуанетъ попрежнему недурно исполняетъ свои «Rajazzo». У нея сильный голосъ, пріятнаго тембра, но репертуаръ не совсѣмъ подходящъ. Тріо Алиссонъ — партеръ-акробатки — очень нравятся публикѣ. Они легко выдѣлываютъ свои головоломныя «трюки».

Тріо Левандовскихъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ исполняютъ характерные танцы. Легкость и изящество исполненія неподражаемыя. Трансформация — мгновенная; костюмы очень богаты и выдержаны въ стилѣ каждаго танца.

Семейство Родэ — хорошіе балалаечники; ихъ слушаютъ съ удовольствіемъ, но имъ можно поставить заслуженный упрекъ — это репертуаръ, который постоянно остается неизмѣннымъ. Необходимо давать что-нибудь новенькое, а не пробавляться мотивами, которые уже навязли въ ухахъ.

На маленькой вѣстралѣ недурно играетъ румынскій оркестръ Тасикъ Василеу. Но вальсъ его собственной стряпни цѣликомъ скомпанованъ изъ извѣстныхъ венгерскихъ мотивовъ.

Попрежнему о программѣ концертнаго зала «Аполло» можно сказать, что она была бы превосходной, если бы ее не портили всевозможныя Баднскины, квартеты Каллаи и имъ подобныя.

Во всѣхъ европейскихъ кафешантанахъ хоры отошли въ область преданій, и театру «Аполло» ничѣмъ по программѣ (благодаря энергіи режиссера А. А. Вядро) не отличающемуся, нужно накопить, растаться съ этими хорами. Кстати, вѣскольکو словъ о г. Вядро. Тошці одесскій журналичикъ, «Театръ-Варьетъ» задался спеціальной цѣлью травить г-на Вядро. Мы удивляемся долготерпѣвнѣю этого уважаемаго сценическаго дѣятеля, который съ удивительнымъ хладнокровіемъ выслушиваетъ несправедливыя нападки журналичика редактируемаго какимъ-то «трубачемъ» Пуруринымъ. Столичная пресса въ свое время оиѣтила, что г-нъ Вядро отказался отъ всякихъ подвошеній отъ артистовъ въ день своего бенефиса. Мы со своей стороны, можемъ подтвердить этотъ фактъ.

— На дняхъ театръ «Аполло» посѣтилъ артистъ Императорскихъ театровъ, В. Н. Давыдовъ.

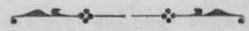
— Энергичный директоръ театра «Аполло», Петръ Яковлевичъ Тюринъ по окончаніи сезона отправляется за-границу для ангажементу артистовъ на будущій сезонъ. Г-нъ Тюринъ посѣтитъ Берлинъ, Гамбургъ, Кельнъ, Брюссель, Лондонъ, Парижъ, Франкфуртъ на М., Лейпцигъ, Дрезденъ, Прагу, Вѣну и Будапештъ. Будущій сезонъ обещаетъ быть въ «Аполло» весьма интереснымъ, т. к. ассигнованная г. Тюринымъ сумма превышаетъ собою всѣ, которыя затрачивались до сихъ поръ.

Монокль.

ВАРЬЕТЪ.

По прежнему преобладаютъ хоры. Г-жа Евгеньева заполонила собой весь репертуаръ, и къ сожалѣнію, неудачно. Ея хоры пользуются очень сомнительнымъ успѣхомъ, безголосыя пѣвицы порядкомъ надоѣли. Изъ отдѣльныхъ исполнителей успѣхомъ пользуется г. Смирновъ. Недурно попрежнему поютъ г-жи Васильева и Завадская. Не мѣшаетъ имъ все таки разнообразить репертуаръ въ которомъ чувствуется устарѣлость. Секстетъ г-жи Марго — хорошъ, но нельзя выпускать на сцену малолѣтнихъ. Хоръ г. Козловскаго недурень.

Редакторъ-Издатель В. Т. Блохинъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВНИМАНІЮ Гг. АРТИСТОВЪ И АНТРЕПРЕНЕРОВЪ.

Центральное Правленіе Всероссійскаго Союза сценическихъ дѣятелей доводитъ до свѣдѣнія, что имъ расширяется справочный отдѣлъ и организуется посредничество между спросомъ и предложеніемъ всѣхъ отраслей сценическаго труда.

Желающіе благоволятъ присылать свои адреса съ условіями предложенія.

На отвѣтъ прилагается марка.

Цѣна 20 коп.

